

**Управление систематизации законодательства и анализа
судебной практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обзор практики *Комитета ООН по ликвидации расовой
дискриминации*, связанной с рассмотрением
индивидуальных сообщений**

2023 г.

Содержание

В сфере административно-правовых отношений 9

вопросы предоставления гражданства (подданства).....9

Дело *«Бьенон Пьетри против Швейцарии»*. Мнение Комитета от 5 декабря 2016 года. Сообщение № 53/2013. Комитет установил: из информации, представленной сторонами, не следовало, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет указал, что в соответствии со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности. Комитет обратил внимание на следующее – национальные суды рассмотрели жалобу заявителя на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие доказательства, пришли к выводу, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Установлено – Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. По мнению Комитета, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Верховного суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало бы на то, что решение суда представляло собой нарушение Конвенции. 9

о статусе иностранных лиц в государстве пребывания 11

Дело *«А.М.М. против Швейцарии»*. Мнение Комитета от 18 февраля 2014 года. Сообщение № 50/2012. С точки зрения Комитета, автору не удалось продемонстрировать проявление дискриминации, обусловленной его этническим происхождением или сомалийским гражданством. Комитет резюмировал: представленные факты не подтверждали проявление дискриминации, основанной «на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения», по смыслу статьи 1 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и, как следствие, отсутствовало нарушение рассматриваемого международного договора.....11

защита прав лиц, принадлежащих к коренным народам 14

Дело *«Ларс-Андерс Огрен и другие против Швеции»*. Мнение Комитета от 18 ноября 2020 года. Сообщение № 54/2013. Комитет пришел к выводу о том, что государство – участник Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации не выполнило свои международные обязательства по защите саамской оленеводческой общины В. от расовой дискриминации ввиду непроведения надлежащих и эффективных консультаций с общиной при предоставлении концессий. Суду по земельным и экологическим вопросам и Верховному административному суду Королевства Швеция не удалось провести оценку изъятия земель с точки зрения основного права авторов сообщения на территорию традиционного проживания. Представленные факты свидетельствовали о нарушении статей 5 и 6 Конвенции.....14

вопросы исполнения вступивших в законную силу судебных актов 22

Дело «*Даниэль Котор против Франции*». Мнение Комитета от 25 ноября 2021 года. Сообщение № 65/2018. Комитет счел, что вред, о котором заявлял автор сообщения в связи с неисполнением решения Апелляционного суда Версаля о пересмотре его коэффициента в классификации должностей, препятствовал полному возмещению ущерба за расовую дискриминацию, поскольку автор не был восстановлен в том положении, в котором он находился бы, не будь нарушены его права, и это позволило бы произвести перерасчет размера его пенсии. Комитет пришел к выводу; отказ суда государства-участника в предоставлении автору средства правовой защиты для получения справедливой компенсации и полного возмещения за дискриминацию, жертвой которой он стал, представлял собой нарушение статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. 22

В сфере социально-трудовых правоотношений 24

вопросы трудоустройства 24

Дело «*Григоре Запеску против Республики Молдова*». Мнение Комитета от 22 апреля 2021 года. Сообщение № 60/2016. Комитет подчеркнул, что из судебных документов следовало – вместо того, чтобы потребовать от компании-ответчика обосновать дифференцированное отношение к истцу, указав точные причины отказа ему в приеме на работу, несмотря на консультативное заключение Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, обращающего внимание судов на необходимость переноса бремени доказывания в делах о дискриминации и дающего определенные ориентиры в отношении толкования термина «основные профессиональные требования», суды в значительной степени полагались на свидетельские показания других сотрудников, подтверждающих недискриминационную обстановку, в которой они выполняли свои ежедневные обязанности. По мнению Комитета, несмотря на то, что национальное законодательство предусматривало процедуру распределения бремени доказывания, однако государство-участник отреагировало на утверждения о расовой дискриминации настолько неэффективно, что не обеспечило надлежащей защиты и не предоставило необходимые для этого правовые инструменты, включая надлежащую сатисфакцию и возмещение причиненного вреда, в соответствии с собственным законодательством и статьей 6 Конвенции. Предоставленная информация свидетельствовала о нарушении государством-участником статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. 24

Дело «*В.С. против Словакии*». Мнение Комитета от 4 декабря 2015 года. Сообщение № 56/2014. Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении права заявителя на труд независимо от расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения в нарушение обязательства государства-участника обеспечить равноправие в сфере трудовых отношений, как это предусмотрено в статье 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Комитет также счел, что требование судов о том, чтобы заявитель доказала дискриминационные намерения, противоречило предусмотренному Конвенцией запрещению поведения, имеющего дискриминационные последствия, в том числе и в отношении процедуры распределения бремени доказывания, установленной законодательством государства-участника. Поскольку государство-участник ввело такую процедуру, то неспособность применить ее должным образом явилось нарушением права заявителя на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию и возмещение причиненного вреда. Поэтому, с точки зрения Комитета, права заявителя в соответствии со статьями 2, 6 Конвенции были нарушены. 28

обязанность лица сдать тест на ВИЧ/СПИД и наркотики как условие для установления (продления) с ним трудовых правоотношений.....31

Дело «*Л.Г. против Республики Корея*». Мнение Комитета от 1 мая 2015 года. Сообщение № 51/2012. Комитет счел, что политика обязательной сдачи анализов, применявшаяся только к иностранным преподавателям английского языка, не являвшимися этническими корейцами, не оправдывалась ни интересами общественного здравоохранения, ни чем-либо другим и явилось нарушением права на труд, подлежащего реализации независимо от расы, цвета кожи или национального или этнического происхождения. Таким образом, было допущено нарушение статьи 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В свете того, что государство-участник не провело надлежащую оценку в рамках дела автора с целью установления, лежат ли в основе политики обязательной сдачи анализов на ВИЧ/СПИД и тестов на запрещенные наркотики критерии расовой дискриминации по смыслу статьи 1 Конвенции, Комитет сделал вывод о том, что права автора в соответствии со статьями 2 и 6 Конвенции были нарушены. 31

вопросы присуждения компенсации (возмещения ущерба) за акты расовой дискриминации 33

Дело «*С.А. против Дании*». Мнение Комитета от 13 декабря 2018 года. Сообщение № 58/2016. Комитет пришел к выводу, полученная заявителем компенсация не соответствовала статье 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, поскольку она не являлась справедливой и адекватной и не реабилитировала заявителя с учетом того, что за совершение признанного государством – участником Конвенции акта расовой дискриминации не было применено никаких судебных или административных санкций. Комитет счел: заявитель находился в тяжелом финансовом положении, взыскание с него судом значительной суммы для покрытия судебных издержек в ходе судебного разбирательства представляло собой санкцию в отношении лица, которое стало жертвой расовой дискриминации и просто добивалось адекватной компенсации. Комитет резюмировал: такую практику можно рассматривать в качестве сдерживающего фактора для жертв расовой дискриминации в плане оспаривания суммы компенсации, которую они считают недостаточной или неэффективной, это может вылиться к отказу к доступу к правосудию в случаях расовой дискриминации. 33

В сфере административных (гражданских) процессуальных отношений 38

вопросы распределения бремени доказывания наличия (отсутствия) дискриминационных намерений 38

Дело «*Лоран Габр Габарум против Франции*». Мнение Комитета от 10 мая 2016 года. Сообщение № 52/2012. Комитет счел: тот факт, что суды настоятельно требовали от автора сообщения доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре распределения бремени доказывания.....38

вопросы взыскания судебных расходов 39

См. вышеприведенное дело «*С.А. против Дании*». Мнение Комитета от 13 декабря 2018 года. Сообщение № 58/2016.....39

В сфере уголовно-правовых и процессуальных отношений.....40

вопросы проведения эффективного расследования факта распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти и содержащих элементы подстрекательства к расовой дискриминации 40

Дело «*Салиф Белемвир против Республики Молдова*». Мнение Комитета от 24 ноября 2017 года. Сообщение № 57/2015. Проведенное государством-участником расследование преступления являлось неполным, поскольку не учитывало дискриминационный мотив в действиях ответчика. Установлен факт нарушения статьи 6 Конвенции 40

Дело «*ГББ-Турецкий союз Берлина против Германии*». Мнение Комитета от 26 февраля 2013 года. Сообщение № 48/2010. Комитет счел, что заявления г-на С. были равносильны распространению идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, и содержали элементы подстрекательства к расовой дискриминации по смыслу пункта «а» статьи 4 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Однако, следуя позиции, согласно которой заявления г-на С. не являлись равносильными подстрекательству к расовой ненависти и не могли нарушить общественный порядок, государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению эффективного расследования предполагаемого акта расовой дискриминации. Допущены нарушения Конвенции.....41

Дело «*Махали Давас и Юсеф Шава против Дании*». Мнение Комитета от 6 марта 2012 года. Сообщения № 46/2009. Комитет счел: учитывая установленные обстоятельства происшествия, а именно: заявители подверглись в своем собственном доме насильственному нападению со стороны 35 правонарушителей, некоторые из которых были вооружены, имелось достаточно доказательств, требующих тщательного расследования по инициативе органов государственной власти факта нападения на эту семью, обусловленного возможным расистским характером. Вместо этого такая возможность была отклонена в процессе уголовного расследования, в результате чего данный вопрос в ходе уголовного судебного разбирательства даже не рассматривался. Представленные факты свидетельствовали о нарушении пункта 1 статьи 2 и статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. 45

вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока содержания под стражей 47

Дело «*М.М. против Российской Федерации*». Решение (о неприемлемости сообщения) Комитета от 7 августа 2015 года. Сообщение № 55/2014. Комитет счел: автор сообщения не предоставил достаточных подтверждений того, что он стал жертвой расовой дискриминации в результате избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, а впоследствии – продления срока содержания под стражей. Полагая, что автор сообщения не смог в достаточной степени обосновать свои утверждения, Комитет пришел к заключению – сообщение не соответствовало положениям Конвенции и было признано неприемлемым. 47

Российская Федерация в качестве государства – продолжателя Союза ССР является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года¹. Конвенция вступила в силу 4 января 1969 года, а для Союза ССР – 4 марта 1969 года.

По состоянию на 1 марта 2023 года 182 государства являлись участниками Конвенции².

Для контроля за соблюдением государствами-участниками положений Конвенции был создан Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее также – Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет), наделенный в том числе компетенцией рассматривать периодические доклады государств о принятых ими мерах по осуществлению обязательств согласно Конвенции. В августе 2017 года Комитетом были приняты Заключительные замечания по двадцать третьему и двадцать четвертому периодическим докладам Российской Федерации³.

В соответствии со статьей 14 Конвенции Российская Федерация в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений от лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

По состоянию на указанную выше дату Комитет рассмотрел на предмет приемлемости и по вопросу существа 66 сообщений, из них в отношении Российской Федерации – 2 сообщения, которые были признаны неприемлемыми⁴.

С учетом практики по рассмотрению периодических докладов государств – участников Конвенции, а также индивидуальных сообщений Комитет принимает общие рекомендации, представляющие собой обобщения отдельных правовых позиций Комитета по вопросам, которые являются значимыми в аспекте надлежащего исполнения государствами положений Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. По данным на 1 марта 2023 года, Комитет, в частности, вынес следующие общие рекомендации: Общая рекомендация VII относительно осуществления статьи 4 Конвенции; Общая рекомендация VIII, касающаяся толкования и применения пунктов 1 и 4 статьи 1 Конвенции; Общая рекомендация IX, касающаяся применения пункта 1 статьи 8 Конвенции; Общая рекомендация XI о негражданах; Общая рекомендация XIII о подготовке должностных лиц правоохранительных органов по вопросам защиты прав человека; Общая рекомендация XIV

---

¹ Далее также – Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция.

² Режим доступа: URL:

https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&clang=en.

³ Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/committee-elimination-racial-discrimination-concluding-8>.

⁴ Режим доступа: URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en.

по пункту 1 статьи 1 Конвенции; Общая рекомендация XV по статье 4 Конвенции; Общая рекомендация XVI, касающаяся применения статьи 9 Конвенции; Общая рекомендация XIX по статье 3 Конвенции; Общая рекомендация XX по статье 5 Конвенции; Общая рекомендация XXII по статье 5 Конвенции применительно к беженцам и перемещенным лицам; Общая рекомендация XXIII о правах коренных народов; Общая рекомендация XXIV, касающаяся статьи 1 Конвенции; Общая рекомендация XXV о гендерных аспектах расовой дискриминации; Общая рекомендация XXVI по статье 6 Конвенции; Общая рекомендация XXVII о дискриминации в отношении рома; Общая рекомендация XXVIII о последующих мерах по итогам Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости; Общая рекомендация XXIX по пункту 1 статьи 1 Конвенции (родовое происхождение); Общая рекомендация XXX о дискриминации неграждан; Общая рекомендация XXXI о предупреждении расовой дискриминации в процессе отправления и функционирования системы уголовного правосудия; Общая рекомендация XXXII о значении и сфере применения особых мер в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Общая рекомендация № 34 о расовой дискриминации в отношении лиц африканского происхождения; Общая рекомендация № 35 о борьбе с ненавистническими высказываниями расистского толка; Общая рекомендация № 36 о предотвращении и борьбе с расовым профилированием со стороны сотрудников правоохранительных органов⁵.

Практика Комитета свидетельствует, что при рассмотрении индивидуальных сообщений для аргументации своей позиции Комитет ссылается как на принятые им Общие рекомендации, так и на свои ранее вынесенные Мнения (Решения о неприемлемости).

Для сведения также сообщается, что в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации*⁶, в которых нашли отражение вопросы, ставшие в свое время предметом внимания Комитета при рассмотрении индивидуальных сообщений.

В данном Обзоре внимание акцентируется на делах Комитета, которые могли бы представлять интерес для судов Российской Федерации.

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и

---

⁵ Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cerd/general-recommendations>.

⁶ Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27156/.

международных договоров Российской Федерации» толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно подпункту «b» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека⁷.

---

⁷ В рамках данного обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы предоставления гражданства (подданства)

Дело «*Бьенон Пьетри против Швейцарии*». Мнение Комитета от 5 декабря 2016 года. Сообщение № 53/2013⁸. Комитет установил: из информации, представленной сторонами, не следовало, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет указал, что в соответствии со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности. Комитет обратил внимание на следующее – национальные суды рассмотрели жалобу заявителя на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие доказательства, пришли к выводу, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Установлено – Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. По мнению Комитета, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Верховного суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало бы на то, что решение суда представляло собой нарушение Конвенции.

Правовые позиции Комитета: в компетенцию Комитета не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии (пункт 7.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: отмечено утверждение заявителя о том, что решение об отклонении его ходатайства о натурализации, принятое членами муниципального собрания, представляло собой акт расовой дискриминации, поскольку оно было продиктовано его этническим происхождением. Заявитель сослался на выступление одного из членов муниципального собрания, который негативно отозвался о его национальном и этническом происхождении. Принято к сведению утверждение заявителя о том, что дискриминационные последствия были замечены общественностью, средствами массовой информации и неправительственными организациями (пункт 7.3 Мнения).

---

⁸ Как усматривалось из текста Мнения, заявитель утверждал, что Верховный суд в достаточной степени не изучил основания для принятия муниципальным собранием решения об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации, представлявшего собой акт дискриминации по признаку его происхождения (автор сообщения являлся гражданином Албании), допущенный в нарушение отдельных положений Конвенции.

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4(2017)*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 года.

Комитет также учел соображения заявителя о том, что предъявляемые в контексте натурализации требования в отношении интеграции не были должным образом соотнесены ни с наличием у него инвалидности, ни с той враждебностью, с которой он столкнулся. Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что на заседании муниципального собрания 27 марта 2009 года было выдвинуто несколько доводов против удовлетворения ходатайства заявителя, в том числе упоминались ложные сведения, приведенные им в предыдущем ходатайстве, тот факт, что он не состоял членом ни одной ассоциации инвалидов и не работал в специализированной мастерской для инвалидов, и, соответственно, был сделан вывод о том, что заявитель не удовлетворяет критериям интеграции в местную общину. Комитет обратил внимание: три инстанции, пересматривавшие данное решение, в том числе два суда, пришли к заключению о том, что члены муниципального собрания привели доводы против его натурализации, не связанные с его происхождением, а, следовательно, не представлявшие собой расовую дискриминацию. Комитет отметил, что Верховный суд Швейцарии признал – решение заявителя отойти от общественной жизни вполне объяснимо ввиду того неприятия, с которым он столкнулся со стороны отдельных жителей общины в первую очередь из-за того, что он был инвалидом и передвигался на инвалидной коляске, но что у заявителя все равно оставались возможности интегрироваться, несмотря на инвалидность, и предъявляемые требования были соразмерны его обстоятельствам (пункт 7.3 Мнения).

Принято к сведению утверждение заявителя о том, что Верховный суд Швейцарии в достаточной степени не учел, что инвалидность явиласьотягчающим обстоятельством и усугубила решение муниципального собрания об отказе в удовлетворении ходатайства о натурализации на основании его происхождения, и ввиду этого не изучил вопрос о том, может ли это быть приравнено к двойной дискриминации. Комитет также учел соображение заявителя о том, что дискриминационные высказывания одного из членов собрания повлияли на решение об отказе ему в натурализации и суду следовало переложить бремя доказывания на общину, с тем чтобы убедительно доказать – отказ в удовлетворении его ходатайства о натурализации не был мотивирован расовой дискриминацией или двойной дискриминацией (пункт 7.4 Мнения).

Комитет отметил: национальные органы власти и суды в обоснование своих решений ссылались на тот факт, что заявитель не мог претендовать на натурализацию по причинам, не связанным с предполагаемой дискриминацией по признаку его албанского происхождения, в частности потому, что он не сумел интегрироваться в местную общину. Комитет счел следующее: из информации, представленной сторонами, не следовало, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением. Комитет пришел к выводу, что факт

дискриминации по признаку национального или этнического происхождения доказан не был. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет указал – в соответствии со статьей 1 Конвенции он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности. В силу вышеизложенного Комитет резюмировал: факты, представленные заявителем, не свидетельствуют о нарушении положений Конвенции (пункт 7.6 Мнения).

Что касается утверждения заявителя о нарушении статьи 6 Конвенции, то Комитет отметил – национальные суды рассмотрели его жалобу на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие доказательства, пришли к выводу о том, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Было установлено, что Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. По мнению Комитета, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало – решение Верховного суда представляло собой нарушение Конвенции. Ввиду этого Комитет не смог сделать вывод о том, что было нарушено право заявителя на защиту и средства правовой защиты от расовой дискриминации, закрепленное в статье 6 Конвенции (пункт 7.7 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствовали о нарушении каких-либо положений Конвенции.

о статусе иностранных лиц в государстве пребывания⁹

Дело «*А.М.М. против Швейцарии*». Мнение Комитета от 18 февраля 2014 года. Сообщение № 50/2012¹⁰. С точки зрения Комитета,

---

⁹ Для сведения: в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав мигрантов*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/30792/.

¹⁰ По мнению автора, власти государства-участника распределяют просителей статуса беженца по категориям в зависимости от их биографии, их политических и религиозных убеждений, а также от их интеллектуального уровня и возможных планов. Действия и позиции властей, имеющих возможность контролировать его доступ к рынку труда, к медицинскому обслуживанию и профессиональной подготовке, вторгаться в его частную жизнь, а также действовать вопреки его интересам в любом органе, напрямую связаны с его происхождением, идентичностью, биографией и личностными характеристиками. Автор указывал, что обращение с ним не равно обращению с остальным населением и что, несмотря на его многочисленные жалобы в различные органы, не было начато ни одного

автору не удалось продемонстрировать проявление дискриминации, обусловленной его этническим происхождением или сомалийским гражданством. Комитет резюмировал: представленные факты не подтверждали проявление дискриминации, основанной «на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения», по смыслу статьи 1 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и, как следствие, отсутствовало нарушение рассматриваемого международного договора.

Правовая позиция Комитета: согласно статье 1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации выражение «*расовая дискриминация*» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни. Комитет ссылается также на пункт 2 статьи 1, который гласит, что Конвенция не применяется к различиям, исключениям, ограничениям или предпочтениям, которые государства-участники проводят между гражданами и негражданами, и на пункт 3 этой же статьи, согласно которому ничто в Конвенции не может быть истолковано как влияющее в какой-либо мере на положения законодательства государств-участников, касающиеся национальной принадлежности, гражданства или натурализации, при условии, что в таких постановлениях не проводится дискриминация в отношении какой-либо определенной национальности (пункт 8.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: автор сообщения исходил из следующего: имеющийся у него статус временного пребывания и обусловленные этим статусом действия и позиции властей дают им возможность контролировать доступ автора к рынку труда, медицинскому обслуживанию, академическому и профессиональному образованию, вторгаться в его частную жизнь, а также действовать в любом органе вопреки интересам автора. По мнению автора, эти действия, предоставляющие совершающим их лицам широкие возможности для маневра, на практике имеют прямое отношение к его происхождению, идентичности, биографии и личностным характеристикам. Комитет отметил, что эти утверждения автора были убедительно подкреплены конкретными примерами действий, которые автор считал проявлениями дискриминации по отношению к нему. Комитет, в частности, указал на утверждения автора о препятствиях ему в доступе к трудовой деятельности, к профессиональному

расследования с целью выявления происков властей в отношении автора. Поэтому автор утверждал, что действия властей по отношению к нему представляли собой нарушение государством-участником положений Конвенции (пункт 3 Мнений).

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1(2014)*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2014 года.

и высшему образованию, а также в доступе к медицинскому обслуживанию (пункт 8.3 Мнения).

Государство-участник утверждало, что жалобы автора основаны исключительно на его статусе с точки зрения законодательства об иностранцах, а не на его происхождении или его сомалийском гражданстве, что соответствующие положения применяются не только к гражданам Сомали или к какой-либо определенной группе лиц по смыслу статьи 1 Конвенции. Комитет отметил, что, по мнению государства-участника, временное пребывание представляет собой правовой статус и что между этим статусом и соответствующим лицом и его характеристиками, которые могут служить поводом для дискриминации, нет никакой особой связи (пункт 8.4 Мнения).

Комитет счел, что автору не удалось продемонстрировать проявление дискриминации, обусловленной его этническим происхождением или сомалийским гражданством. Поэтому Комитет не установил по данному делу, что представленные ему факты подтверждали проявление дискриминации, основанной «на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения», по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 8.6 Мнения).

Комитет отметил: само государство-участник признало пагубные последствия статуса временного пребывания для основных сфер жизни этой категории неграждан, в ряде случаев длительное время остающихся в ситуации, которая призвана являться переходной. Поэтому Комитет обратил внимание государства-участника на его обязательства по Конвенции и сослался на свою Общую рекомендацию XXX (2004) о дискриминации неграждан, где Комитет, в частности, напомнил об обязательстве государств-участников принимать меры по ликвидации дискриминации неграждан, касающиеся условий труда и требований, предъявляемых к работе, включая правила и практику занятости, имеющие дискриминационные цели или последствия (пункт 10 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствовали о нарушении Конвенции.

защита прав лиц, принадлежащих к коренным народам

Дело «*Ларс-Андерс Огрен и другие против Швеции*». Мнение Комитета от 18 ноября 2020 года. Сообщение № 54/2013¹¹. Комитет пришел к выводу о том, что государство – участник Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации не выполнило свои международные обязательства по защите саамской оленеводческой общины В. от расовой дискриминации ввиду непроведения надлежащих и эффективных консультаций с общиной при предоставлении концессий. Суду по земельным и экологическим вопросам и Верховному административному суду Королевства Швеция не удалось провести оценку изъятия земель с точки зрения основного права авторов сообщения на территорию традиционного проживания. Представленные факты свидетельствовали о нарушении статей 5 и 6 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: в своей Общей рекомендации № 23 (1997) Комитет призывает государства-участников признать и охранять права коренных народов владеть, обустраивать, контролировать и использовать свои земли, территории и ресурсы, а там, где их земли и территории, которыми они традиционно владели или на которых они иным образом проживали, отобраны или используются без их добровольного и осознанного согласия, принять меры для возвращения таких земель и территорий (пункт 5). Эти стандарты в области прав человека также содержатся в Декларации Организации Объединенных Наций о правах

---

¹¹ Как усматривалось из текста Мнения, авторы утверждали, что, будучи представителями коренного народа саами, они имеют свою собственную культуру, средства к существованию и язык, отличающиеся от культуры несаамского населения. В частности, оленеводство, по их мнению, является важнейшим элементом их культурной самобытности и традиционного образа жизни. Вместе со своим оленьим стадом авторы кочуют по тем же маршрутам, по которым с незапамятных времен перемещались их предки. Государство-участник предоставило концессии на эксплуатацию частной горнодобывающей компании на территории традиционного проживания общины в виде трех открытых рудников, расположенных на перешейке Р. – районе с пастбищными угодьями, имеющими основополагающее значение для оленеводческого цикла общины В. Как следствие, значительная часть этой территории была изъята у оленеводческой общины, при этом ее пастбищные угодья постоянно сокращались, что создало реальную угрозу для оленеводства и оказало огромное психологическое давление на членов общины. Авторы отметили, что в силу этого их община не выдержит других горнодобывающих концессий. Они далее подчеркнули, что государство-участник, предоставив без согласия авторов концессию на три открытых рудника в пределах их традиционного земельного имущества, где они вели традиционный образ жизни, нарушило в том числе их право на имущество, закрепленное в статье 5 Конвенции (пункт 1.2 Мнений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL:

http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/30437/.

коренных народов, за которую проголосовала Королевство Швеция. Статья 26 Декларации предусматривает следующее:

1. Коренные народы имеют право на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которые они традиционно занимали или иным образом использовали или приобретали.

2. Коренные народы имеют право иметь в собственности, использовать, осваивать или контролировать земли, территории и ресурсы, которыми они обладают в силу традиционного владения или другого традиционного занятия или использования, а также те, которые они приобрели иным образом.

3. Государства обеспечивают юридическое признание и защиту таких земель, территорий и ресурсов. Такое признание осуществляется с должным уважением к обычаям, традициям и системам землевладения соответствующих коренных народов (пункт 6.5 Мнения).

По смыслу этих принципов¹² необходимо признавать и понимать тесные связи коренных народов с землей как основополагающую основу их культуры, духовной жизни, целостности и экономического выживания. Их «взаимосвязь с землей – это не только вопрос владения и производства, а материальный и духовный элемент, которым они должны в полной мере пользоваться, хотя бы для того, чтобы сохранить свое культурное наследие и передать его будущим поколениям». В этой связи реализация земельных прав коренных народов может также стать предпосылкой для осуществления права на жизнь как такового и «недопущения их вымирания как народа» (пункт 6.6 Мнения).

Игнорирование неотъемлемого права коренных народов на использование и осуществление земельных прав и отказ от принятия надлежащих мер для обеспечения соблюдения на практике их права давать свободное, предварительное и осознанное согласие во всех случаях, когда их права могут быть затронуты проектами, осуществляемыми на территориях их традиционного проживания, представляет собой одну из форм дискриминации, поскольку это приводит к аннулированию или ущемлению признания, пользования или осуществления коренными народами на равной основе их прав на свои традиционные территории, природные ресурсы и, как следствие, их самобытности (пункт 6.7 Мнения).

Хотя право на имущество не является абсолютным, но государства-участники должны соблюдать принцип соразмерности при ограничении или регулировании земельных прав коренных народов с учетом их отличительного статуса с тем, чтобы не ставить под угрозу само выживание общины и ее членов (пункт 6.10 Мнения).

Запрещение расовой дискриминации, закрепленное в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, требует, чтобы государства-участники гарантировали каждому человеку, находящемуся под

---

¹² См.: п. 6.5 Мнения.

их юрисдикцией, пользование равными правами де-юре и де-факто. В соответствии со статьей 2 (1) «с» Конвенции каждое государство-участник должно принять эффективные меры для пересмотра политики правительства в национальном и местном масштабе, а также для исправления, отмены или аннулирования любых законов и постановлений, ведущих к возникновению или увековечению расовой дискриминации всюду, где она существует. Государства должны принимать позитивные меры, позволяющие коренным народам осуществлять свои права человека, либо устраняя остающиеся препятствия, либо принимая конкретные законодательные и административные меры для выполнения своих обязательств по Конвенции (пункт 6.13 Мнения).

В своей Общей рекомендации № 23 (1997) Комитет призвал государства-участников признавать и уважать самобытную культуру, историю, язык и образ жизни коренных народов в качестве фактора обогащения культурной самобытности государства, которая была и находится под угрозой исчезновения, и содействовать ее сохранению. Комитет напоминает, что земельные права коренных народов отличаются от общего понимания гражданско-правовых имущественных прав, и считает, что оленеводство не является «проведением досуга на открытом воздухе», как оно было определено в решении главного горного инспектора, а представляет собой центральный элемент культурной самобытности и традиционного образа жизни авторов (пункт 6.14 Мнения).

Признание земельных прав общин саами и их коллективного права на оленеводство, основанного на традиционном использовании, влечет за собой обязательство уважать и защищать эти права на практике. Необходимость сохранения их культуры и средств к существованию входит в число причин, по которым государствам-участникам следует принять конкретные меры для обеспечения эффективных консультаций с ними и участия в принятии решений. Комитет напоминает, что в своей Общей рекомендации № 32 (2009) он разъяснил – понятие «недопустимых «особых прав» следует отличать от прав, допускаемых и признаваемых международным сообществом, с целью обеспечить существование и сохранение самобытности таких групп, как меньшинства, коренные народы и другие категории лиц, чьи права в равной степени допускаются и признаются в рамках всеобщих прав человека (пункт 26). Права на земли, традиционно занимаемые коренными народами, относятся к числу постоянных прав, признанных в качестве таковых в договорах по правам человека, в том числе в документах, принятых в контексте деятельности Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений¹³ (пункт 6.15 Мнения).

---

¹³ Комитет напоминает, что в соответствии с его Общей рекомендацией № 32 (2009) различие между особыми мерами и постоянными правами предполагает, что лица, обладающие постоянными правами, могут также воспользоваться в своих интересах особыми мерами (п. 15).

Комитет неоднократно подтверждал: непроведение надлежащих консультаций с коренными народами может представлять собой одну из форм расовой дискриминации и подпадать под действие Конвенции. Комитет придерживается правозащитного подхода, предусматривающего предварительное свободное и осознанное согласие, когда в качестве нормы признается запрещение расовой дискриминации, являющейся основной причиной большинства случаев дискриминации, с которой сталкиваются коренные народы (пункт 6.16 Мнения).

Государства-участники обязаны представлять доказательства того, что они выполняют обязательство по проведению консультаций либо напрямую, посредством организации и проведения консультаций в духе доброй воли и с целью достижения консенсуса, либо косвенно, путем предоставления достаточных гарантий эффективного участия общин коренных народов и обеспечения того, чтобы любая третья сторона действительно уделяла должное внимание существенным аргументам, выдвигаемым общинами коренных народов. Обязанность проводить консультации в таком контексте является обязанностью государства и не может быть без надзора передана частной компании, особенно той же компании, которая в коммерческом плане заинтересована в ресурсах, находящихся на территории коренных народов¹⁴. Как отметил Специальный докладчик по вопросу о правах коренных народов, помимо того, что это не освобождает государство от ответственности, так и передача государством обязанностей в области прав человека частной компании может быть нежелательной и даже проблематичной, учитывая, что интересы частной компании в первую очередь связаны с получением прибыли и, следовательно, не могут полностью отвечать наилучшим интересам соответствующих коренных народов¹⁵ (пункт 6.17 Мнения).

Частью процесса консультаций с коренными народами должны стать исследования, посвященные экологическим и социальным последствиям. Эти исследования должны проводиться независимыми и технически компетентными организациями до предоставления концессии на любой строительный или инвестиционный проект, затрагивающий территории традиционного проживания. На основе этих исследований необходимо проводить консультации, начиная с ранних этапов и до разработки проекта, а не только в тот момент, когда необходимо получить одобрение. Исход таких консультаций не может быть предрешен: не должно возникать ощущение, что данный проект обязательно будет осуществлен, при этом следует обеспечивать постоянное взаимодействие между сторонами (пункт 6.18 Мнения).

Освоение и эксплуатация природных ресурсов в качестве законного общественного интереса не освобождает государства-участников от их

---

¹⁴ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, ст. 19.

¹⁵ А/НRC/12/34, п. 55.

обязательства не допускать дискриминацию в отношении коренной общины, зависящей от рассматриваемых участков земли, путем механического применения процедуры консультаций без достаточных гарантий или доказательств того, что свободное, предварительное и осознанное согласие членов общины может быть эффективно запрошено и получено (пункт 6.20 Мнения).

Статья 6 Конвенции обеспечивает защиту предполагаемых жертв, если их жалобы являются спорными в соответствии с Конвенцией (пункт 6.26 Мнения).

В тех случаях, когда коренные народы были лишены земель и территорий, которыми они традиционно владели или которые они иным образом заселяли или использовали, без их добровольного и осознанного согласия, государство должно принять меры для возвращения таких земель и территорий. Право на возвращение должно быть заменено правом на справедливую и безотлагательную компенсацию только в тех случаях, когда возвращение земель и территорий представляется невозможным по обоснованным причинам, при этом такая компенсация должна по мере возможности осуществляться в виде передачи земель и территорий (пункт 6.27 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Верховный административный суд Королевства Швеция признал, что традиционное использование саамскими оленеводческими общинами земель привело к возникновению имущественных прав, основанных на правах в силу давности владения и на обычном праве. Комитет отметил также, что в соответствии с Североевропейской конвенцией о саами, согласованной правительствами стран Северной Европы совместно с парламентами саами Норвегии, Финляндии и Швеции, которая опирается на существующие нормы международного права и направлена на ее осуществление в контексте стран Северной Европы, доступ к земле и воде признается в качестве основы культуры, языка и социальной жизни саами, и, таким образом, как индивидуальные, так и коллективные имущественные права саами на их земли и ресурсы находятся под защитой (пункт 6.8 Мнения).

Комитет счел, что ему необходимо рассмотреть утверждения авторов в отношении предположения о непроведении государством-участником консультаций с саамской оленеводческой общиной В. и получения ее свободного, предварительного и осознанного согласия при предоставлении концессий на добычу полезных ископаемых на территории ее традиционного проживания. Он отметил, что концессии действительны в течение 25 лет и предполагают права на добычу и использование никеля, железа, хрома, кобальта, золота, серебра, платины и палладия (пункт 6.10 Мнения).

Комитет принял к сведению утверждение авторов о том, что в дополнение к уже существующим промышленным проектам, разрешение на осуществление которых на территории традиционного проживания общины В. было предоставлено государством-участником, три концессии на добычу

полезных ископаемых (они стали поводом для появления данного сообщения) могут привести к тому, что авторы не смогут вести традиционный образ жизни. Это означало, что их придется принудительно переселять с территории их традиционного проживания. Затронутой общине саами позволили лишь дать определенные сведения относительно осуществления этого тройственного проекта, что, по мнению авторов, нельзя даже назвать проведением консультаций, поскольку консультации предполагают серьезное взаимодействие с общиной при наличии подлинного и искреннего стремления к достижению консенсуса. Действительно, авторы утверждают, что государство-участник должно получить их свободное, предварительное и осознанное согласие при наличии таких негативных последствий (пункт 6.11 Мнения).

Комитет также принял к сведению аргумент государства-участника о том, что предоставление концессий на разработку не является нарушением статьи 5 Конвенции, поскольку ничто не указывало на то, что решение рассматривать данные районы в качестве представляющих национальный интерес с точки зрения добычи полезных ископаемых, а не с точки зрения оленеводства было ошибочным. По мнению государства-участника, если Комитет сочтет, что имело место ограничение прав авторов, то следует отметить, что это ограничение было необходимым и пропорциональным значимой цели государства. Действительно, добыча никеля имеет большое значение, и, поскольку месторождения расположены на определенном участке, добыча не может осуществляться в другом месте, в то время как для выпаса оленей могут быть использованы альтернативные пастбищные угодья. Кроме того, консультации с саамской оленеводческой общиной В. проводились, однако законодательство позволяет правительству выдавать разрешение на добычу полезных ископаемых независимо от того, кто владеет этой землей, и без предварительного согласия владельца имущества. Таким образом, по мнению государства-участника, факт расовой дискриминации в данном деле не доказан, с учетом того, что с авторами, с которыми обращаются на равных основаниях как с землевладельцами, затронутыми данным проектом, были проведены консультации, как и с любой заинтересованной стороной, в той мере, в какой это требовалось согласно национальному законодательству в вопросах, касающихся концессий на добычу полезных ископаемых (пункт 6.11 Мнения).

Комитет счел: аргументация государства-участника являлась ошибочной, оно не выполнило свои международные обязательства по защите саамской оленеводческой общины В. от расовой дискриминации посредством проведения надлежащих или эффективных консультаций с общиной при предоставлении концессий (пункт 6.12 Мнения).

Комитет резюмировал: передав процесс консультаций горнодобывающей компании без эффективных гарантий и тем самым не выполнив свою обязанность соблюдать земельные права саамской

оленеводческой общины В., государство-участник не выполнило свои международные обязательства (пункт 6.17 Мнения).

Комитет напомнил следующее – поскольку государство-участник установило и признало наличие неопределенности в отношении последствий для саамской оленеводческой общины В., то оно тем более обязано в контексте процесса предоставления концессий предусмотреть строгие требования в отношении проведения исследований и осуществлять надзор за их выполнением с тем, чтобы максимально ограничить их воздействие на оленеводство. Хотя административные органы ссылались на необходимость достижения баланса между горнодобывающей деятельностью и оленеводством, однако соответствующая процедура не позволила сделать это, так как, по мнению государства-участника, когда изыскатель находит потенциально выгодное месторождение, то первым шагом на пути к началу добычи является подача заявки на концессию на разработку. В решении по концессии определяется, кто имеет право на добычу металлов или полезных ископаемых, и это право распространяется также на владельцев имущества без их согласия, что является основной целью концессионной системы (пункт 6.18 Мнения).

Комитет отметил, что на практике процесс оформления концессии отделен от процесса получения экологического разрешения, поскольку Суд по земельным и экологическим вопросам Королевства Швеция правомочен рассматривать ходатайство о получении экологического разрешения и определять условия или сроки и ограничения, которые должны быть установлены в отношении деятельности после выдачи концессии на разработку. Иными словами, процесс консультаций проходит на том этапе процедуры, когда, как признало государство-участник, «еще слишком рано судить о том, в какой степени будут ущемлены возможности авторов заниматься оленеводством» (пункт 6.19 Мнения).

Комитет не должен решать, какому общественному интересу следует отдать приоритет, а именно: добыче полезных ископаемых, с одной стороны, или «защите районов, имеющих важное значение для оленеводства, от мер, которые могут существенно затруднить его функционирование», с другой стороны. Вместе с тем государство-участник обязано было на практике, а не только теоретически или абстрактно, изыскать и указать в процессе консультаций с саамской оленеводческой общиной В. те места, которые они могли использовать в качестве альтернативных пастбищ, и выполнить обязательство по проведению эффективного процесса консультаций (пункт 6.20 Мнения).

По мнению Комитета, государство-участник не продемонстрировало, каким образом в процессе предоставления трех горнорудных концессий в соответствии с Законом о полезных ископаемых и Экологическим кодексом были надлежащим образом учтены прежние нормы и конкретные права авторов сообщения (пункт 6.21 Мнения).

В отношении утверждений авторов относительно статьи 6 Конвенции Комитет счел, что основной вопрос заключался в том, выполнило ли государство-участник свои обязательства в соответствии с положением по обеспечению соблюдения права авторов на эффективную защиту и средства правовой защиты от любого ущерба, понесенного в результате предоставления трех горных концессий на территории их традиционного проживания. Комитет принял к сведению утверждение авторов, что они не имели доступа к какому-либо национальному учреждению, которое могло бы провести оценку основного права на традиционное имущество и включить в нее оценку того, следует ли запретить горнодобывающую деятельность ввиду ее негативного воздействия на саамское оленеводство. Суд по земельным и экологическим вопросам и Верховный административный суд Королевства Швеция, опираясь на законодательство о горнодобывающей промышленности, могли рассматривать только применение внутреннего законодательства, которое само по себе является источником нарушения прав. Кроме того, авторы утверждали, что в то время как шведские землевладельцы могут в полном объеме получить компенсацию за свое имущество по рыночной стоимости, денежная компенсация не может адекватным образом покрыть потребности коренных народов саами в случае лишения их пастбищ для оленей, которые необходимы для этого вида деятельности общины и являются основополагающим элементом их культурной самобытности и традиционного уклада жизни (пункт 6.25 Мнения).

Государство-участник не представило никаких доказательств наличия внутренних средств правовой защиты, которые могли бы обеспечить адекватное возмещение или удовлетворение за ущерб, причиненный авторам в результате неэффективного процесса консультаций в контексте предоставления горнорудных концессий. Комитет отметил, что судебный надзор со стороны Верховного административного суда Королевства Швеция не предполагал рассмотрение вопроса об устойчивом характере оленеводства на оставшихся землях (пункт 6.26 Мнения).

Государство-участник признало – решения о предоставлении концессий на добычу полезных ископаемых не предполагали какого-либо рассмотрения вопроса об имущественных правах авторов. Комитет счел: невозможность добиться эффективного судебного пересмотра решения в тех случаях, когда ставится под сомнение основное право коренных народов на территорию традиционного проживания, явилась следствием того, что государство-участник относилось к общинам коренных народов как к частным землевладельцам, затронутых горнодобывающей деятельностью, без должного учета потенциальной необратимости последствий, которые эта деятельность может иметь для таких общин (пункт 6.28 Мнения).

Поскольку в решениях Суда по земельным и экологическим вопросам и Верховного административного суда Королевства Швеция не удалось провести оценку изъятия земель с точки зрения основного права авторов на

территорию традиционного проживания, то Комитет пришел к выводу о нарушении Конвенции (пункт 6.29 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 5 и 6 Конвенции.

*вопросы исполнения вступивших в законную силу судебных актов*¹⁶

Дело «*Даниэль Котор против Франции*». Мнение Комитета от 25 ноября 2021 года. Сообщение № 65/2018¹⁷. Комитет счел, что вред, о котором заявлял автор сообщения в связи с неисполнением решения Апелляционного суда Версаля о пересмотре его коэффициента в классификации должностей, препятствовал полному возмещению ущерба за расовую дискриминацию, поскольку автор не был восстановлен в том положении, в котором он находился бы, не будь нарушены его права, и это позволило бы произвести перерасчет размера его пенсии. Комитет пришел к выводу; отказ суда государства-участника в предоставлении автору средства правовой защиты для получения справедливой компенсации и полного возмещения за дискриминацию, жертвой которой он стал, представлял собой нарушение статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Правовые позиции Комитета: требование жертвы о компенсации должно рассматриваться во всех случаях, включая случаи, когда не было причинено никакого телесного повреждения, но когда жертва подверглась унижению, диффамации или другому посягательству на ее репутацию и чувство собственного достоинства. Комитет также напоминает, что в соответствии со статьей 6 Конвенции государства-участники обеспечивают каждому человеку, на которого распространяется их юрисдикция, эффективную защиту и средства защиты через компетентные национальные суды и другие государственные институты в случае любых актов расовой дискриминации, посягающих, в нарушение Конвенции, на его права человека и основные свободы, а также права предъявлять в эти суды иск о справедливом и адекватном возмещении или удовлетворении за любой ущерб, понесенный в результате такой дискриминации. Он также напоминает, что статья 6 Конвенции гарантирует полное и эффективное

---

¹⁶ **Для сведения:** в 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок* (по состоянию на 30 ноября 2017 года (обновленное)). Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2017 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26329/.

¹⁷ Как усматривалось из текста Мнения, автор утверждал, что он смог добиться лишь частичного исполнения решения Апелляционного суда Версаля от 2 апреля 2008 года, признавшего факт расовой дискриминации в его отношении, присудившего ему возмещение ущерба и постановившего провести пересмотр его коэффициента в классификации должностей, а также выдать ему соответствующую справку о трудовой деятельности (пункт 3.6 Мнений).

возмещение ущерба. Комитет отмечает, что *реституция* направлена на восстановление первоначального положения жертвы, существовавшее до совершения нарушения; *компенсация* должна присуждаться, в частности, за любой поддающийся экономической оценке ущерб, причиненный грубыми нарушениями международного права прав человека (пункт 7.4 Мнения).

Комитет напоминает, что в круг его ведения не входит проверка интерпретации фактов и национального законодательства, за исключением тех случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или равносильны отказу в правосудии (пункт 7.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в отношении жалобы по статье 6 Конвенции Комитет отметил утверждение автора о том, что решение Апелляционного суда Версаля от 2 апреля 2008 года было исполнено лишь частично, поскольку не был осуществлен пересмотр его коэффициента в классификации должностей (далее – коэффициент). Комитет обратил внимание на факт отсутствия пересмотра, что государство-участник не оспаривало. Комитет принял к сведению аргументы государства-участника о том, что указанный пересмотр был невозможен по объективной причине — автор уже несколько лет находился на пенсии. Комитет также сослался на судебную практику, согласно которой пересмотр коэффициента является неотъемлемой частью полного возмещения ущерба, и выход работника на пенсию не препятствует этому. Комитет обратил внимание на то, что в своем решении о толковании постановления от 2 апреля 2008 года Апелляционный суд Версаля постановил, что своим решением о возмещении ущерба, включая последствия пересмотра коэффициента автора, он в полном объеме компенсирует вред, причиненный ему в результате расовой дискриминации, и что, следовательно, компенсация автору была полной. Комитет также отметил, что отсутствие у автора положенного ему коэффициента могло иметь прямые последствия при определении размера его заработной платы за периоды, в течение которых он подвергался дискриминации по признаку этнического происхождения. Он также подчеркнул следующее – аргумент автора о том, что отсутствие у него положенного коэффициента привело к уменьшению размера его пенсии по старости в связи с тем, что она рассчитывалась на основании более низкой заработной платы, не был опровергнут государством-участником. Вместе с тем, как отметил Комитет, имеющаяся в его распоряжении информация не позволила ему сделать вывод о том, что в контексте назначенного в пользу автора возмещения ущерба было учтено влияние пересмотра коэффициента на размер его пенсии, что рассмотрение дела в суде более высокой инстанции позволило бы прояснить этот вопрос (пункт 7.2 Мнения).

Комитет счел, что вред, о котором заявляет автор в связи с невыполнением решения Апелляционного суда Версаля о пересмотре его коэффициента, препятствовал полному возмещению ущерба за расовую дискриминацию, от чего он пострадал, поскольку автор не был восстановлен в том положении, в котором он находился бы, не будь нарушены его права, и

это позволило бы произвести перерасчет размера его пенсии (пункт 7.6 Мнения).

Выводы Комитета: представленные ему факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статьи 6 Конвенции.

В сфере социально-трудовых правоотношений

*вопросы трудоустройства*¹⁸

Дело *«Григоре Запеску против Республики Молдова»*. Мнение Комитета от 22 апреля 2021 года. Сообщение № 60/2016¹⁹. Комитет подчеркнул, что из судебных документов следовало – вместо того, чтобы потребовать от компании-ответчика обосновать дифференцированное отношение к истцу, указав точные причины отказа ему в приеме на работу, несмотря на консультативное заключение Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, обращающего внимание судов на необходимость переноса бремени доказывания в делах о дискриминации и дающего определенные ориентиры в отношении толкования термина «основные профессиональные требования», суды в значительной степени полагались на свидетельские показания других сотрудников, подтверждающих недискриминационную обстановку, в которой они выполняли свои ежедневные обязанности. По мнению Комитета, несмотря на то, что национальное законодательство предусматривало процедуру распределения бремени доказывания, однако государство-участник отреагировало на утверждения о расовой дискриминации настолько неэффективно, что не обеспечило надлежащей защиты и не предоставило необходимые для этого правовые инструменты, включая надлежащую сатисфакцию и возмещение причиненного вреда, в соответствии с собственным законодательством и статьей 6 Конвенции.

---

¹⁸ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27902/.

¹⁹ Как усматривалось из текста Мнений, заявитель утверждал, что является жертвой нарушения Республикой Молдова статей 1, 5, 6 и 7, рассматриваемых в совокупности со статьей 2 Конвенции. Ссылаясь на статью 1 Конвенции, он указал, что является жертвой расовой дискриминации. В этой связи было отмечено, что он и Б.В. подали заявления на одну и ту же должность и прошли собеседование в один и тот же день. Поскольку они имеют похожую внешность, говорят на одном языке и имеют одинаковый опыт работы, единственное видимое различие между ними, которое могло бы объяснить отклонение его заявления о приеме на работу – это его этническое происхождение (пункт 3.1 Мнений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL:

http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/30437/.

Предоставленная информация свидетельствовала о нарушении государством-участником статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктами «е», подпунктом «i» пункта «d» статьи 5 Конвенции государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и гарантировать каждому человеку возможность реализовать свое право на труд без каких-либо различий по признаку расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения. Комитет напоминает о своей Общей рекомендации № 27 (2000) и обращает внимание на потребность в эффективном законодательстве, запрещающем дискриминацию в области занятости и все виды дискриминационной практики на рынке труда, от которых страдают члены общин рома, в том числе в процессе найма, и одновременно обеспечить эффективную защиту потенциальных жертв от такой практики. Комитет поясняет, что обязательства, предусмотренные пунктами «е», подпунктом «i» пункта «d» статьи 5, выполняются не только посредством создания законодательной и регуляторной базы, запрещающей расовую дискриминацию в доступе к занятости, но и включают обязательство обеспечить эффективный контроль за осуществлением недискриминационной политики найма на работу на практике (пункт 8.3 Мнения).

Согласно статье 6 Конвенции: «[г]осударства-участники обеспечивают каждому человеку, на которого распространяется их юрисдикция, эффективную защиту и средства защиты через компетентные национальные суды и другие государственные институты в случае любых актов расовой дискриминации, посягающих, в нарушение настоящей Конвенции, на его права человека и основные свободы». Хотя при буквальном прочтении этого положения может показаться, что акт расовой дискриминации должен быть установлен прежде чем заявитель получит право на защиту и средство правовой защиты, однако Комитет отмечает, что государство-участник должно предусмотреть гарантию установления этого права через национальные суды и другие институты (которая при этом была бы ничтожной, если она не была доступна в обстоятельствах, когда факт нарушения еще не установлен). Вместе с тем неразумно требовать от государства-участника обеспечить установление прав по Конвенции, какими бы необоснованными не выглядели эти претензии, но статья 6 обеспечивает защиту предполагаемых жертв, когда их претензии в соответствии с Конвенцией являются спорными (пункт 8.4 Мнения).

При оценке того, предоставили ли национальные суды заявителю эффективные средства правовой защиты, как того требует статья 6 Конвенции, Комитет, прежде всего, ссылается на свою правовую практику, согласно которой предполагаемые жертвы расовой дискриминации не обязаны доказывать наличие дискриминационных намерений в отношении них (пункт 8.6 Мнения).

Идентификация лиц как членов этнической или расовой группы должна основываться на самоидентификации лица, если нет оснований для обратного (пункт 8.6 Мнения).

Выбор конкретного средства правовой защиты не может негативно влиять на рассмотрение жалобы на дискриминацию даже в том случае, если предполагаемая жертва дискриминации не желает работать в соответствующей компании (пункт 8.7 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принята во внимание информация, представленная заявителем, являющимся представителем рома, что его заявление на должность официанта было отклонено ресторанной сетью в 2012 году. Комитет отметил, в частности, утверждение заявителя о том, что в связи с этим инцидентом он привлек внимание национальных судов к *prima facie* факту расовой дискриминации, что именно компания-ответчик должна была поэтому представить разумные и убедительные аргументы в оправдание неравного отношения к автору (пункт 8.5 Мнения).

Комитет обратил внимание на замечание государства-участника, что процесс отбора регулировался положением, утвержденным на уровне компании, которая установила четкие и недискриминационные критерии найма, и, следовательно, результаты данного процесса отбора имели под собой законные основания (пункт 8.3 Мнения).

Комитет напомнил о национальном законодательстве государства-участника, которое предусматривает распределение бремени доказывания в вопросах дискриминации. Комитет указал на утверждение заявителя, полагавшего, что национальные суды не применили эти национальные законы в соответствии с Конвенцией. В этой связи Комитет учел аргумент заявителя: районный суд Ч. в г. Кишиневе возложил на него ответственность за то, что он не представил доказательств своего этнического происхождения, кроме собственного заявления (пункт 8.6 Мнения).

Комитет принял к сведению утверждение заявителя, согласно которому национальные суды придали слишком большое значение тому обстоятельству, что вместо трудоустройства он в ходе рассмотрения дела в судах просил присудить ему компенсацию. Комитет отметил: исходя из выбора заявителя суды презюмировали, что он никогда не собирался работать в компании, и эта презумпция, по-видимому, ослабила его позиции в деле о дискриминации в глазах национальных судов (пункт 8.7 Мнения).

Комитет с обеспокоенностью указал на тот факт, что решение заявителя не подавать жалобу в Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, по мнению национальных судов, подтвердило отсутствие «реальной ситуации дискриминации». В этой связи Комитет отметил – заявитель выбрал судебную процедуру, которая помимо подтверждения его прав могла обеспечить ему компенсацию, и такой выбор не мог ставить его в невыгодное положение (пункт 8.8 Мнения).

Комитет подчеркнул, что из судебных документов следовало – вместо того, чтобы потребовать от компании-ответчика обосновать дифференцированное отношение к истцу, указав точные причины отказа ему в приеме на работу, несмотря на консультативное заключение Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, обращающего внимание судов на необходимость переноса бремени доказывания в делах о дискриминации и дающего определенные ориентиры в отношении толкования термина «основные профессиональные требования», суды в значительной степени полагались на свидетельские показания других сотрудников, подтверждавших недискриминационную обстановку, в которой они выполняли свои ежедневные обязанности. Комитет обеспокоился тем, что информация, полученная от лиц, которые по возрасту, полу и этнической принадлежности отличались от заявителя и работали на других должностях, не гарантировала, что эти лица находились в идентичной с заявителем ситуации. При этом игнорировалась также возможность взаимного переплетения мотивов дискриминации и существования «этнических иерархий» на рынке труда. Кроме того, недооценивались случаи дискриминационного отношения, возникающего в «изолированных» и специфических обстоятельствах или даже при наличии смешанных мотивов, а не только в рамках систематической политики или отношения (особенно в отсутствие каких-либо конкретных объяснений со стороны компании-ответчика в связи с отказом в приеме на работу заявителя). Комитет напомнил, что такой подход не соответствует пониманию проблем и предрассудков, с которыми община рома продолжает сталкиваться в государстве-участнике и на которые указывается в Заключительных замечаниях Комитета по Республике Молдова, опубликованных в 2011 и 2017 годах, а также в многочисленных докладах других международных и региональных органов по правам человека (пункт 8.9 Мнения).

Комитет считал, что хотя претензии заявителя в данном случае являлись спорными, на него тем не менее было возложено непропорционально тяжелое бремя доказывания дискриминационных намерений компании-ответчика. По мнению Комитета, несмотря на то, что национальное законодательство предусматривало процедуру распределения бремени доказывания, однако государство-участник отреагировало на утверждения о расовой дискриминации настолько неэффективно, что не обеспечило надлежащей защиты и не предоставило необходимые для этого правовые инструменты, включая сатисфакцию и возмещение причиненного вреда, в соответствии с собственным законодательством и статьей 6 Конвенции (пункт 8.10 Мнения).

Выводы Комитета: предоставленная информация свидетельствовала о нарушении государством-участником статьи 6 Конвенции.

Дело «*В.С. против Словакии*». Мнение Комитета от 4 декабря 2015 года. Сообщение № 56/2014²⁰. Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении права заявителя на труд независимо от расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения в нарушение обязательства государства-участника обеспечить равноправие в сфере трудовых отношений, как это предусмотрено в статье 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Комитет также счел, что требование судов о том, чтобы заявитель доказала дискриминационные намерения, противоречило предусмотренному Конвенцией запрещению поведения, имеющего дискриминационные последствия, в том числе и в отношении процедуры распределения бремени доказывания, установленной законодательством государства-участника. Поскольку государство-участник ввело такую процедуру, то неспособность применить ее должным образом явилось нарушением права заявителя на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию и возмещение причиненного вреда. Поэтому, с точки зрения Комитета, права заявителя в соответствии со статьями 2, 6 Конвенции были нарушены.

Правовые позиции Комитета: в компетенцию Комитета не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии (пункт 7.4 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: основной вопрос, который стоял перед Комитетом, заключался в том, выполнило ли государство-участник свои обязательства принять эффективные меры в ответ на утверждения заявителя о том, что она подверглась дискриминации по признаку принадлежности к народности рома, пытаясь трудоустроиться в государственной школе, и обеспечило ли государство-участник через свои национальные суды и другие учреждения эффективную защиту и предоставление ей эффективных средств правовой защиты от предполагаемой расовой дискриминации, включая адекватную компенсацию или возмещение причиненного вреда (пункт 7.2 Мнения).

Комитет учел утверждение заявителя о том, что она подверглась расовой дискриминации в контексте процесса найма на работу, проведенного одной из государственных начальных школ города Р. Комитет принял к сведению представленную государством-участником информацию о том, что доводы в пользу предполагаемой дискриминации заявителя не получили заслуживающего доверия обоснования при рассмотрении в соответствующих

---

²⁰ Как следовало из текста Мнения, заявитель утверждала, что она являлась жертвой нарушения Словакией отдельных положений Конвенции. Она указала, что государство-участник через свои национальные суды не смогло обеспечить ей эффективной защиты и эффективных средств правовой защиты от расовой дискриминации, которой она подверглась в контексте процедуры найма со стороны государственной начальной школы в Р., и что государство-участник не приняло всех надлежащих мер по ликвидации расовой дискриминации в сфере доступа к занятости (пункт 3.1 Мнения).

Информация о этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2016)*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 года.

внутренних административных и судебных органах. Хотя государство-участник и признало, что заявитель понесла ущерб и оказалась в невыгодном положении, оно утверждало, что причинно-следственной связи между различным обращением и обусловленным им неблагоприятным положением установлено не было. Комитет отметил заявление Министерства образования от 2 февраля 2010 года, согласно которому отсутствие достаточного финансирования не являлось веским основанием для предпочтения соискателя со средним школьным образованием по отношению к соискателю с университетским дипломом и что работодатель должен стремиться к найму квалифицированных соискателей, а неквалифицированных кандидатов следует нанимать на работу лишь в исключительных случаях. Комитет принял также к сведению вывод Центра равенства о том, что случай заявителя можно приравнять к нарушению принципа равного обращения, поскольку на работу был принят неквалифицированный кандидат, а также рекомендацию данного Центра о том, чтобы директор школы соблюдал антидискриминационное законодательство. Комитет отметил, что категорией для сравнения, принимаемой во внимание государством-участником для установления различия в обращении, являлись другие должности, которые не были выбраны, а не лицо, получившее работу, а также заявление государства-участника о том, что отбор основывался на том обстоятельстве, что отобранное лицо было известно директору школы. Комитет счел, что государство-участник не смогло отрицать свою ответственность, поскольку директор государственной школы, которая, хотя и является отдельным юридическим лицом, отвечает за подбор школьного персонала в рамках обеспечения государственной гражданской службы. Комитет отметил: государство-участник не ответило надлежащим образом на утверждения заявителя в этой связи и не представило убедительных аргументов для обоснования отличительного обращения с заявителем при отклонении ее заявки на получение работы. Учитывая, что в рассматриваемом деле предпочтение было отдано кандидату, который не имел необходимой квалификации (являлся помощником продавца) на должность помощника преподавателя, не может быть объяснено ее профессиональной компетенцией или отсутствием достаточного финансирования, Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении права заявителя на труд без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения в нарушение обязательства государства-участника обеспечить равноправие в отношении права на труд, как это предусмотрено в статье 5 Конвенции (пункт 7.3 Мнения).

Комитету также надлежало рассмотреть вопрос о том, была ли заявитель в результате решений национальных судов лишена своего права на эффективную защиту и эффективное средство правовой защиты от расовой дискриминации. Комитет отметил, что в период с 2009 по 2013 год заявитель доводила убедительные факты расовой дискриминации до внимания Центра равенства, Министерства образования, науки, научных исследований и

спорта Словакии, а также внутренних судов. В этом контексте заявитель просила, чтобы на основании положения о переносе бремени доказывания начальная школа в Р. в качестве ответчика обосновала тот факт, что заявитель не подвергалась дискриминации по признаку ее принадлежности к народности рома. Она, в частности, просила начальную школу представить разумные и убедительные аргументы, объясняющие, почему школа отказалась рассматривать ее заявление на должность преподавателя и отклонила ее заявление о назначении на должность помощника преподавателя, в то время как на появившуюся позднее должность было принято лицо, обладавшее меньшей квалификацией по сравнению с заявителем. Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что суды неверно оценили факты и доказательства, представленные начальной школой, поскольку ее ситуация не рассматривалась в сравнении с ситуацией соискателя, не принадлежавшего к народности рома, который был выбран на ту должность, на которую она подавала заявку. Комитет также учел утверждение заявителя о том, что в своем решении от 27 ноября 2012 года областной суд обязал ее доказать наличие у школы намерения подвергнуть ее дискриминации, хотя от нее не должны были требовать сделать это в соответствии с положением о переносе бремени доказывания, предусмотренном в Антидискриминационном законе. Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что применение антидискриминационного законодательства, и, в частности, положения о распределении бремени доказывания, представляло собой определенную проблему для национальных судов, которым надлежало применять его эффективно; а также о том, что судам следовало применять более тщательный подход к положению о переносе бремени доказывания, в том числе в связи с данным делом. Комитет считал, что требование судов о том, чтобы заявитель доказала дискриминационные намерения, противоречило предусмотренному Конвенцией запрещению поведения, имеющего дискриминационные последствия, в том числе и в отношении процедуры распределения бремени доказывания, установленной законодательством государства-участника. Поскольку государство-участник ввело такую процедуру, то неспособность применить ее должным образом являлась нарушением права заявителя на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию и возмещение причиненного вреда. Поэтому Комитет пришел к выводу, что права заявителя в соответствии со статьями 2, 6 Конвенции были нарушены (пункт 7.4 Мнения).

Выводы Комитета: факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статьи 2, статьи 5 и 6 Конвенции (пункт 8 Мнения)

См. также вышеприведенное дело «*А.М.М. против Швейцарии*». Мнение Комитета от 18 февраля 2014 года. Сообщение № 50/2012.

обязанность лица сдать тест на ВИЧ/СПИД и наркотики как условие для установления (продления) с ним трудовых правоотношений

Дело «*Л.Г. против Республики Корея*». Мнение Комитета от 1 мая 2015 года. Сообщение № 51/2012²¹. Комитет счел, что политика обязательной сдачи анализов, применявшаяся только к иностранным преподавателям английского языка, не являвшимися этническими корейцами, не оправдывалась ни интересами общественного здравоохранения, ни чем-либо другим и явилось нарушением права на труд, подлежащего реализации независимо от расы, цвета кожи или национального или этнического происхождения. Таким образом, было допущено нарушение статьи 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В свете того, что государство-участник не провело надлежащую оценку в рамках дела автора с целью установления, лежат ли в основе политики обязательной сдачи анализов на ВИЧ/СПИД и тестов на запрещенные наркотики критерии расовой дискриминации по смыслу статьи 1 Конвенции, Комитет сделал вывод о том, что права автора в соответствии со статьями 2 и 6 Конвенции были нарушены.

Правовые позиции Комитета: согласно Общей рекомендации № 30, принятой Комитетом, государствам-участникам рекомендуется «принимать решительные меры по противодействию любым тенденциям преследовать, клеймить, применять стереотипы или характеризовать по признаку расы, цвета кожи, происхождения, национальной или этнической принадлежности членов групп населения, не являющихся гражданами, особенно со стороны политиков» (пункт 7.4 Мнения),

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: основной проблемой, находящейся на рассмотрении Комитета, являлся вопрос о том, выполнило ли государство-участник свои позитивные обязательства принять эффективные меры после сообщения автора о том, что политика требований Городского управления образования У. в сфере трудоустройства была основана на расовой дискриминации, что обусловленная ею потеря работы также носила дискриминационный характер (пункт 7.2 Мнения),

Комитет отметил, что автор сообщения, являвшаяся подданной Новой Зеландии, довела убедительные факты расовой дискриминации до сведения компетентных органов государства-участника, заявив перед Корейским коммерческим арбитражным советом и Национальной комиссией по правам человека Кореи о том, что политика обязательной сдачи анализов на ВИЧ/СПИД и тестов на запрещенные наркотики основана исключительно на негативных стереотипах и стигматизации преподавателей – носителей английского языка, которые обусловлены их этническим происхождением. Комитет указал, что Национальная комиссия по правам человека Кореи

---

²¹ Как усматривалось из текста Мнений, политика властей Республики Корея (городское управление образования У.), предусматривающая регулярную сдачу анализов на ВИЧ/СПИД и тестов на наркотики, обязательную для иностранных преподавателей – носителей английского языка, представляла собой расовую дискриминацию в соответствии с определением, содержащимся в статье 1 Конвенции.

отказалась рассматривать жалобу автора сообщения и что ни Корейский коммерческий арбитражный совет, ни какой-либо другой орган государства-участника не провели оценку соответствия оспариваемой политики медицинского обследования положениям Конвенции. В свете того, что государство-участник не провело подобную оценку в рамках дела автора с целью установить, лежат ли в основе политики обязательной сдачи анализов на ВИЧ/СПИД и тестов на запрещенные наркотики критерии расовой дискриминации по смыслу статьи 1 Конвенции, Комитет сделал вывод о том, что права автора в соответствии со статьями 2 и 6 Конвенции были нарушены (пункт 7.3 Мнения),

Комитет обратил внимание на утверждение автора о том, что в результате ее отказа сдать оспариваемые обязательные анализы во второй раз она была лишена возможности продолжать работать в школе в нарушение статьи 5 Конвенции. Автор отметила, иностранные преподаватели английского языка – этнические корейцы и корейские учителя освобождены от сдачи этих анализов и поэтому решение об их проведении принимается не на основе различия между гражданами и негражданами, а скорее на основе этнического происхождения. Комитет указал: обязательные анализы на ВИЧ/СПИД для целей трудоустройства, а также для целей въезда, пребывания и проживания в Республике Корея считаются противоречащими международным стандартам, поскольку подобные меры являются неэффективными с точки зрения интересов общественного здравоохранения, дискриминационными и вредными для реализации основных прав. Комитет отметил далее, что государство-участник не представило никакого обоснования политики обязательной сдачи анализов. Комитет также установил, что в ходе процедуры арбитража в Корейском коммерческом арбитражном совете некоторые должностные лица из Городского управления образования У. подтвердили – анализы на ВИЧ/СПИД и тесты на запрещенные наркотики рассматривались в качестве средства проверки ценностей и морали иностранных преподавателей английского языка. Государство-участник не оспорило тот факт, что, по большому счету, единственной причиной, по которой контракт автора не был продлен, являлся ее отказ повторно сдать анализы на ВИЧ/СПИД и употребление запрещенных наркотиков. Комитет счел, что политика обязательной сдачи анализов, применяемая только к иностранным преподавателям английского языка, не являвшимся этническими корейцами, не оправдывалась ни интересами общественного здравоохранения, ни чем-либо другим и являлась нарушением права на труд без различия расы, цвета кожи или национального или этнического происхождения, а также нарушением обязательства государства-участника обеспечить равенство в отношении права на труд, закрепленного в статье 5 Конвенции (пункт 7.4 Мнения),

Выводы Комитета: факты свидетельствовали о нарушении статей 2, 5 и 6 Конвенции.

вопросы присуждения компенсации (возмещения ущерба) за акты расовой дискриминации

Дело «С.А. против Дании». Мнение Комитета от 13 декабря 2018 года. Сообщение № 58/2016²². Комитет пришел к выводу, полученная заявителем компенсация не соответствовала статье 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, поскольку она не являлась справедливой и адекватной и не реабилитировала заявителя с учетом того, что за совершение признанного государством – участником Конвенции акта расовой дискриминации не было применено никаких судебных или административных санкций. Комитет счел: заявитель находился в тяжелом финансовом положении, взыскание с него судом значительной суммы для покрытия судебных издержек в ходе судебного разбирательства представляло собой санкцию в отношении лица, которое стало жертвой расовой дискриминации и просто добивалось адекватной компенсации. Комитет резюмировал: такую практику можно рассматривать в качестве сдерживающего фактора для жертв расовой дискриминации в плане оспаривания суммы компенсации, которую они считают недостаточной или неэффективной, это может вылиться к отказу к доступу к правосудию в случаях расовой дискриминации.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с практикой Комитета требование жертвы о компенсации должно рассматриваться во всех случаях, включая ситуации, когда не было причинено никакого телесного повреждения, но когда жертва подверглась унижению, диффамации или другому посягательству на ее репутацию и чувство собственного достоинства. Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 6 Конвенции государства-участники обеспечивают каждому человеку, на которого распространяется их юрисдикция, эффективную защиту и средства защиты через компетентные национальные суды и другие государственные институты в случае любых актов расовой дискриминации, посягающих, в нарушение Конвенции, на его права человека и основные свободы, а также права предъявлять в эти суды иск о справедливом и адекватном возмещении или удовлетворении за любой ущерб, понесенный в результате такой дискриминации. Комитет напоминает, что в соответствии с резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН²³, в которой содержится

---

²² Как следовало из текста Мнения, заявитель утверждал, что являлся жертвой нарушения Данией статей 2, 5 и 6 Конвенции. Он отметил, что, рассматривая его в качестве лица, не являющегося датским подданным, власти государства-участника отказали ему во всех его правах гражданина, включая право на проживание, право на участие в голосовании и право на карточку медицинского страхования. Кроме того, угроза утраты этих прав, в частности права на жительство, причинила заявителю серьезный психологический ущерб. Он подчеркнул, что, поскольку он подвергся дискриминационному обращению со стороны муниципалитета О., ему пришлось принимать антидепрессанты, и он больше не мог работать.

²³ Речь идет о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права».

ссылка на статью 6 Конвенции, полное и эффективное возмещение включает следующие формы: реституцию, компенсацию, реабилитацию, сатисфакцию и гарантии неповторения случившегося. Комитет отмечает, что *реституция* направлена на восстановление первоначального положения жертвы, существовавшее до совершения нарушения; *компенсацию* следует предоставлять за любой поддающийся экономической оценке ущерб в установленном порядке и соразмерно серьезности нарушения и обстоятельствам каждого случая, включая, в частности, расходы на правовую или экспертную помощь; *реабилитация* должна включать в себя оказание медицинской и психологической помощи и предоставление юридических и социальных услуг, а также судебные и административные санкции в отношении лиц, которые несут ответственность за нарушения; *сатисфакция* должна включать такие меры, как принесение публичных извинений, в том числе признание фактов и ответственности, или официальное заявление или судебное решение о восстановлении достоинства, репутации и прав жертвы и лиц, тесно связанных с жертвой; и *гарантии неповторения случившегося* должны включать такие меры, как пересмотр и реформирование законов, способствующих совершению таких нарушений или допускающих их (пункт 7.8 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: принято к сведению утверждение заявителя о том, что, отклонив его просьбу о социальной помощи, власти отказали ему в его гражданских правах, таких как право на проживание, право на участие в голосовании или право на получение карты медицинского страхования. Комитет также отметил, что заявитель получил датское подданство в 2002 году; что после проживания за границей в течение нескольких лет он вернулся в Данию в июле 2009 года и обратился в муниципалитет О. с целью получения социальной помощи. Комитет принял к сведению решение муниципалитета от 22 июля 2009 года, в котором тот отклонил просьбу С.А. и предписал ему связаться с Иммиграционной службой. Он также отметил, что 23 июля 2009 года муниципалитет изменил предыдущее решение и указал, что заявитель, будучи датским подданным, имел право на получение пособия. Комитет обратил внимание, что это решение было доведено до сведения заявителя 10 августа 2009 года (пункт 7.2 Мнения).

Комитет также принял к сведению утверждение заявителя о том, что после показа его истории по телевидению 4 августа 2009 года он обратился в социальный центр и что сотрудники, с которыми он имел дело, вновь

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации в *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4(2020)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL:

http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/29076/.

заявили, что он не является датским подданным, несмотря на принятое Центром 4 августа 2009 года решение признать, что он действительно являлся подданным Дании. В этой связи Комитет учел: поскольку все датские подданные обязаны зарегистрироваться в муниципалитете по месту жительства после проживания за границей для получения доступа к социальным и медицинским услугам, то ошибка, совершенная муниципалитетом О. 22 июля 2009 года, затрагивала все права С.А. в качестве подданного Королевства Дания, включая право проживания и избирательные права. Комитет также принял к сведению решение Совета по вопросам равного обращения от 13 августа 2010 года, в котором тот пришел к выводу, что заявитель подвергся прямому дифференцированному обращению со стороны муниципалитета О., и подтверждение этого – заключения в решениях окружного суда от 6 мая 2013 года и Высокого суда Западной Дании от 18 декабря 2014 года. Комитет согласился с решениями национальных властей. В то же время он отметил отсутствие признаков того, что национальные суды приняли во внимание события 4 августа 2009 года, и учел, что, согласно имеющейся информации, не было осуществлено никаких мер для наказания сотрудников социального центра, которые работали с заявителем. С учетом вышеизложенного Комитет счел, что решения муниципалитета О. от 22 июля и 4 августа 2009 года, отрицающие, что заявитель имеет датское подданство, равнозначны нарушению его прав по статье 5 Конвенции (пункт 7.3 Мнения).

Что касается утверждений заявителя по статье 6 Конвенции, то основной стоящий перед Комитетом вопрос заключался в том, выполнило ли государство-участник свои обязательства по этому положению с тем, чтобы обеспечить право заявителя добиваться справедливого и адекватного возмещения или сатисфакции за любой ущерб, понесенный в результате расовой дискриминации, от национальных компетентных судов и других государственных учреждений.

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что при разработке Закона о равном обращении Королевства Дания было решено включить в него положение, устанавливающее право на компенсацию за нематериальные убытки, вызванные актом расовой дискриминации, что такое положение должно быть эффективной и сдерживающей санкцией. Комитет далее отметил ссылку государства-участника на подготовительные материалы к Закону, в соответствии с которыми большое значение должно придаваться ущербу, причиненному предполагаемым дискриминационным актом, характеру причиняющего вред деяния, а также анализу того, было ли это дискриминационное деяние преднамеренным или вызванным небрежностью в той или иной форме. Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что в данном случае эти критерии применялись в полном объеме и что, следовательно, Совет по вопросам равного обращения постановил, что сумма компенсации должна составлять 2000 датских крон. Это решение было поддержано окружным судом в О. и

Высоким судом Западной Дании в их решениях от 6 мая 2013 года и 18 декабря 2014 года соответственно. Комитет далее принял к сведению заявление государства-участника о том, что компенсация, предоставленная заявителю, отвечает положениям Конвенции и Общей рекомендации № 26 по статье 6 Конвенции Комитета, поскольку ни из статьи 6 Конвенции, ни из Общей рекомендации № 26 невозможно сделать вывод о том, что существует требование относительно конкретной суммы компенсации (пункт 7.5 Мнения).

Комитет также принял к сведению утверждение заявителя о том, что сумма компенсации весьма далека от «справедливого и адекватного возмещения», предусмотренного в статье 6 Конвенции, и, поэтому не являлась эффективным средством правовой защиты от расовой дискриминации с учетом того, что в других случаях проявления расовой дискриминации выплачивались более значительные суммы компенсации, что стоимость жизни в государстве-участнике являлась весьма высокой и такая сумма резко отличается от суммы, которую он должен был выплатить для покрытия судебных издержек, а именно – 25 000 датских крон, что он рассматривает как «наказание». Комитет далее отметил утверждение заявителя о том, что тот факт, что ему было предписано оплатить столь значительную сумму судебных издержек, противоречит статье 6 Конвенции, поскольку это нарушает право на получение справедливой и адекватной компенсации и является препятствием для получения эффективного средства правовой защиты от лиц, виновных в совершении актов расовой дискриминации, как это предусмотрено в пункте 6 Общей рекомендации № 31 о предупреждении расовой дискриминации в процессе отправления и функционирования системы уголовного правосудия Комитета (пункт 7.6 Мнения).

Комитет обратил внимание на то, что 7 июня 2012 года заявитель обжаловал решение Совета по вопросам равного обращения в окружном суде О., заявив, что выплаченная ему компенсация в размере 2000 датских крон не отвечала требованию «справедливого и адекватного возмещения или удовлетворения за любой ущерб, понесенный в результате расовой дискриминации», как это предусмотрено в статье 6 Конвенции, поскольку эта сумма являлась слишком малой. Комитет далее отметил, что 6 мая 2013 года окружной суд оставил в силе решение Совета по вопросам равного обращения, посчитав, что муниципалитет в кратчайшие сроки исправил свою ошибку и принес за нее извинения, поэтому отсутствовали основания для увеличения размера компенсации. Как подчеркнул Комитет, суд постановил, что судебные издержки (25 000 датских крон) должны быть покрыты за счет государственных средств. Комитет также отметил, что 3 июня 2013 года заявитель обжаловал решение окружного суда в Высоком суде Западной Дании, который 18 декабря 2014 года оставил в силе решение окружного суда. Высокий суд принял во внимание: государственный служащий, совершивший ошибку, не действовал преднамеренно или по грубой

небрежности, заявитель получил то пособие, на которое он имел право. Принимая во внимание исход дела в сопоставлении с требованиями сторон, Высокий суд также обязал заявителя покрыть судебные издержки в размере 25 000 датских крон (пункт 7.7 Мнения).

Комитет подчеркнул, что заявителю была предоставлена компенсация. Однако справедливый и адекватный характер такой компенсации должен быть проанализирован в свете контекста, в котором она была предоставлена. Таким образом, применительно к конкретным обстоятельствам данного дела следовало проанализировать предоставленную компенсацию с учетом серьезности нарушения, стоимости жизни в государстве-участнике, положения заявителя и превентивного характера мер, принятых во избежание аналогичных нарушений в будущем. Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что тот факт, что его попросили связаться с иммиграционными властями, несмотря на предъявление паспорта, вызывал у него серьезную обеспокоенность, поскольку он решил, что его могут депортировать в Боснию и Герцеговину, где он не проживал в течение многих лет. Комитет далее отметил: хотя власти довольно быстро исправили свое решение, такая ситуация являлась достаточно серьезной, чтобы вызвать обеспокоенность у соответствующего лица, особенно с учетом того, что ему было сказано – его могут депортировать. Поэтому компенсация должна отражать то воздействие, которое она могла оказать на заявителя. Комитет принял к сведению довод заявителя о том, что, согласно заявлению, сделанному Премьер-министром Дании в 2013 году, за 2000 датских крон могут приобрести только «пару ботинок» и что, согласно имеющейся в деле информации, ни судебные, ни административные органы не приняли никаких мер для наказания виновных или, в еще более широком плане, для недопущения аналогичных нарушений в будущем, несмотря на то, что власти государства-участника признали – заявитель стал жертвой акта дискриминации. Поэтому Комитет пришел к выводу: полученная заявителем компенсация не соответствовала статье 6 Конвенции, поскольку она не являлась справедливой и адекватной и не реабилитировала заявителя с учетом того, что за совершение признанного акта расовой дискриминации не было применено никаких судебных или административных санкций (пункт 7.9 Мнения).

Кроме того, Комитет отметил, что сумма в размере 25 000 датских крон, взысканная с заявителя за судебные издержки, значительно превышала сумму в размере 2000 датских крон, которую он получил в качестве компенсации за акт признанной расовой дискриминации. Комитет указал, что в своем решении от 18 декабря 2014 года Высокий суд не разъяснил причины, по которым такие высокие судебные издержки были оправданы в деле заявителя, в частности с учетом того, что суд первой инстанции счел: судебные издержки должны покрываться за счет государственных средств. Комитет отметил, что 7 декабря 2011 года Департамент по гражданским вопросам предоставил заявителю юридическую помощь с тем, чтобы он мог

обжаловать решение Совета по вопросам равного обращения. Комитет подчеркнул, что это решение являлось явным свидетельством того, что заявитель находился в тяжелом финансовом положении, взыскание с него значительной суммы для покрытия судебных издержек в ходе судебного разбирательства представляло собой санкцию в отношении лица, которое стало жертвой расовой дискриминации и просто добивалось адекватной компенсации. Комитет резюмировал, что такую практику можно рассматривать в качестве сдерживающего фактора для жертв расовой дискриминации в плане оспаривания суммы компенсации, которую они считают недостаточной или неэффективной, что может вылиться в отказ в доступе к правосудию в случаях расовой дискриминации (пункт 7.10 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты указывали на нарушение статей 5 и 6 Конвенции (пункт 8 Мнения).

В сфере административных (гражданских) процессуальных отношений²⁴

вопросы распределения бремени доказывания наличия (отсутствия) дискриминационных намерений

Дело «*Лоран Габр Габарум против Франции*». Мнение Комитета от 10 мая 2016 года. Сообщение № 52/2012²⁵. Комитет счел: тот факт, что суды настоятельно требовали от автора сообщения доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре распределения бремени доказывания.

Правовые позиции Комитета: от предполагаемых жертв расовой дискриминации не требуется доказывать дискриминационные намерения в их отношении (пункт 7.2 Мнения).

²⁴ **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на доступ к суду*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28278/.

²⁵ Как усматривалось из текста Мнения, автор утверждал, что государство-участник нарушило статью 2 Конвенции, поскольку, по его мнению, Франция не приняла эффективных мер по криминализации всех форм расистского и ксенофобного поведения и по борьбе с наблюдаемой в обществе тенденцией к стигматизации и стереотипизации французов африканского происхождения на основании их цвета кожи или их национального или этнорасового происхождения в нарушение принципов Конвенции.

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4(2017)*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принята к сведению позиция автора сообщения, согласно которой работодатель должен был доказать, что он не опирался на какой-либо незаконный критерий для оправдания иного обращения с автором по сравнению с его коллегами. Комитет отметил указание апелляционного суда на то, что именно автор должен был доказывать факт недоброжелательного отношения к нему любыми средствами, в том числе путем необходимого сравнения его профессионального положения с положением других лиц. Комитет принял также к сведению жалобу автора, согласно которой в ходе процесса во внутренних судах, в том числе в апелляционном суде, он представил доказательства, свидетельствующие о применении к нему дискриминационной практики, и что, соответственно, он выполнил свое обязательство представить информацию, необходимую для переноса бремени доказывания. Комитет счел: тот факт, что суды, в частности апелляционный суд, настоятельно требовали от автора доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре переноса бремени доказывания, предусмотренной статьей L-1134-1 (прежняя статья L122-45) Трудового кодекса Франции. Поскольку государство-участник само приняло эту процедуру, то тот факт, что оно неправильно применяет ее, свидетельствовал о нарушении права автора на эффективное средство правовой защиты (пункт 7.2 Мнения).

Выводы Комитета: факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 2 и 6 Конвенции (пункт 8 Мнения).

См. также вышеприведенные дела: *«Бьенон Пьетри против Швейцарии»*. Мнение Комитета от 5 декабря 2016 года. Сообщение № 53/2013; *«Григоре Запеску против Республики Молдова»*. Мнение Комитета от 22 апреля 2021 года. Сообщение № 60/2016; *«В.С. против Словакии»*. Мнение Комитета от 4 декабря 2015 года. Сообщение № 56/2014.

вопросы взыскания судебных расходов

См. вышеприведенное дело *«С.А. против Дании»*. Мнение Комитета от 13 декабря 2018 года. Сообщение № 58/2016.

В сфере уголовно-правовых и процессуальных отношений

вопросы проведения эффективного расследования факта распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти и содержащих элементы подстрекательства к расовой дискриминации

Дело «Салиф Белемвир против Республики Молдова». Мнение Комитета от 24 ноября 2017 года. Сообщение № 57/2015.²⁶ Проведенное государством-участником расследование преступления являлось неполным, поскольку не учитывало дискриминационный мотив в действиях ответчика. Установлен факт нарушения статьи 6 Конвенции

Правовые позиции Комитета: в компетенцию Комитета не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии. Вместе с тем Комитет ранее также заявлял, что «при наличии угроз насилия... на государство-участник возлагается обязанность провести расследование с должной тщательностью и оперативностью» (пункт 7.2 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: вопрос, стоящий перед Комитетом, заключался в том, выполнило ли государство-участник свое обязательство обеспечивать эффективную защиту и средства правовой защиты в компетентных национальных судах или других государственных институтах в случае любых актов расовой дискриминации, как это предусмотрено статьей 6 Конвенции (пункт 7.2 Мнения).

Комитет отметил, что, хотя власти государства-участника провели расследование этого инцидента²⁷, они квалифицировали его как акт

²⁶ Как следовало из текста Мнения, заявитель утверждал – поскольку суды отказались рассматривать наличие мотива расовой дискриминации по уголовному делу в отношении лица, осуществившего насилие к заявителю, его право на эффективное средство правовой защиты и право на защиту в соответствии со статьей 6 Конвенции было нарушено.

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4(2020)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/29076/.

²⁷ Заявитель сообщил, что 14 ноября 2013 года примерно в 8 часов вечера он сел в общественный микроавтобус. Сев в автобус, он позвонил одному из своих друзей; во время телефонного разговора он говорил на иностранном языке. Некто, кто позднее был опознан как С.И., начал оскорблять заявителя, обзывая его, среди прочего, «цыганом», «обезьяной», «индусом» и «негром». Затем С.И. совершил физическое нападение на заявителя, нанеся ему несколько ударов в лицо и по туловищу. Со своей стороны, г-н Б. не совершал никаких насильственных действий. В результате побоев на его теле образовалось несколько кровоподтеков, а лицо распухло. С.И. был задержан прямо на

хулиганства и не учитывали дискриминационный мотив, которым мог руководствоваться ответчик при совершении преступления, несмотря на многочисленные просьбы заявителя на различных уровнях и в различных государственных учреждениях, включая судебные органы. В своих представлениях государство-участник выразило согласие с тем, что власти страны, в частности прокуратура, должны были рассмотреть этот дискриминационный элемент. В силу этого Комитет счел, что проведенное государством-участником расследование преступления являлось неполным, поскольку не учитывало дискриминационный мотив в действиях ответчика. Государству-участнику следовало принять во внимание этот аспект преступления, «поскольку любые правонарушения, совершенные по расовым мотивам, подрывают социальную сплоченность и общество в целом» и зачастую наносят серьезный ущерб отдельным лицам и обществу. Кроме того, отказ государства-участника расследовать расовый мотив также лишил заявителя права на «эффективную защиту и средства правовой защиты от актов расовой дискриминации» (пункт 7.3 Соображений).

Выводы Комитета: установлен факт нарушения статьи 6 Конвенции.

Дело «*ТББ-Турецкий союз Берлина против Германии*». Мнение Комитета от 26 февраля 2013 года. Сообщение № 48/2010²⁸. Комитет счел, что заявления г-на С. были равносильны распространению идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, и содержали элементы подстрекательства к расовой дискриминации по смыслу пункта «а» статьи 4 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Однако, следуя позиции, согласно которой заявления г-на С. не являлись равносильными подстрекательству к расовой ненависти и не могли нарушить общественный порядок, государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению эффективного расследования предполагаемого акта расовой дискриминации. Допущены нарушения Конвенции.

Правовые позиции Комитета: для целей статьи 4 Конвенции недостаточно лишь заявить о том, что акты расовой дискриминации являются наказуемыми де-юре. Требуется также обеспечить эффективное применение уголовных законов и других законодательных положений, запрещающих расовую дискриминацию, компетентными национальными судами и другими государственными учреждениями. Это обязательство подразумевается статьей 4 Конвенции, согласно которой государства-участники обязуются принять немедленные и позитивные меры,

---

месте преступления благодаря помощи лиц, которые являлись очевидцами нападения и оскорблений, вызвали полицию.

²⁸ Как следовало из текста Мнения, заявитель утверждал, что он являлся жертвой нарушения отдельных положений Конвенции, поскольку государство-участник не обеспечило его защиту на основании своего Уголовного кодекса от расистских дискриминационных и оскорбительных заявлений г-на С., направленных против заявителя, являвшегося представителем группы лиц турецкого происхождения группы.

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 ноября 2013 года.

направленные на искоренение всякого подстрекательства к расовой дискриминации или актов такой дискриминации. Оно также отражается в других положениях Конвенции, таких как пункт 1 «d» статьи 2, который требует от государств запретить расовую дискриминацию и положить ей конец, используя все надлежащие средства, и в статье 6, которая гарантирует каждому человеку эффективную защиту и средства защиты от любых актов расовой дискриминации (пункт 12.3 Мнения).

Комитет напоминает о том, что его роль не заключается в пересмотре толкования национальными властями фактов и национальных законов, за исключением случаев, когда соответствующие решения являются явно произвольными или равносильными отказу в правосудии (пункт 12.5 Мнения).

Комитет ссылается на свои предыдущие решения и вновь заявляет о том, что осуществление права на свободу выражения мнения²⁹ сопряжено с особыми обязанностями и обязательствами, в частности обязательством не распространять расистские идеи. Он также отмечает, что статья 4 Конвенции закрепляет обязанность государства-участника защищать население от подстрекательства к расовой ненависти, а также от актов расовой дискриминации, совершаемых вследствие распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти (пункт 12.7 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: рассматриваемый Комитетом вопрос заключался в том, выполнило ли государство-участник свое позитивное обязательство по принятию эффективных мер в отношении сообщенных заявлений о расовой дискриминации с учётом того, в какой степени оно расследовало жалобу заявителя в соответствии с параграфами 130 и 185 Уголовного кодекса Германии. Параграф 130 Уголовного кодекса криминализирует любую форму выражения мнения, которая может нарушить общественный порядок вследствие подстрекательства к ненависти в отношении отдельных групп населения или призывов к насильственным или произвольным действиям против них; или в результате посягательства на человеческое достоинство других лиц, приводящего к оскорблению, злонамеренному очернению или дискредитации групп населения. Он криминализирует также разжигание ненависти в отношении групп населения или какой-либо национальной, расовой или религиозной группы или группы, отличающейся своими обычаями, призывы к совершению в отношении них насильственных или произвольных действий или посягательства на человеческое достоинство

---

²⁹ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26427/.

других лиц, приводящие к оскорблению, злонамеренному очернению или дискредитации каких либо групп населения или одной из вышеназванных групп. Параграф 185 Уголовного кодекса криминализирует оскорбления (пункт 12.2 Мнения).

Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что заявления г-на С., опубликованные в журнале «Летр интернэшнл» № 86 (2009), представляли собой дискриминацию в отношении заявителя и членов ТББ-Турецкий союз Берлина, которые являются лицами турецкого происхождения, поскольку турецкое население было представлено в качестве группы населения, которая живёт за счёт государства и которая, по мнению С, не должна иметь права на проживание на территории государства-участника, а также то, что государство-участник не обеспечило защиту от такой дискриминации. Он принял к сведению также аргумент заявителя о том, что заявления г-на С. привели к публичному поношению и унижению турок и мусульман в целом. Комитет принял к сведению далее утверждения заявителя о том, что отсутствие уголовного преследования г-на С. равносильно нарушению государством-участником пункта 1 «d» статьи 2, пункта «а» статьи 4 и статьи 6 Конвенции, поскольку имело место узкое толкование внутреннего законодательства. Комитет отметил тот факт, что государство-участник не одобрило мнение г-на С., но вместе с тем утверждало, что положения Уголовного кодекса Германии в достаточной мере отражают его обязательства по обеспечению эффективных правовых санкций для борьбы с подстрекательством к расовой дискриминации. Власти государства-участника сочли – заявления г-на С. защищаются правом на свободу выражения мнения и не равносильны подстрекательству, а также не относят какие-либо группы населения к категории низших. Комитет обратил внимание на аргумент государства-участника: решения его органов, отвечающих за уголовное преследование, не были явно произвольными, а также не были равносильными отказу в правосудии и что не имелось никаких свидетельств повышенной опасности для заявителя стать жертвами преступных деяний в будущем (пункт 12.4 Мнения).

Комитету надлежало рассмотреть вопрос о том, подпадают ли заявления г-на С. под какую-либо категорию запрещённых высказываний, о которых говорится в статье 4 Конвенции, и если да, то распространяется ли на эти заявления действие положения о «надлежащем учёте», касающегося свободы выражения мнения, а также вопрос о том, являлось ли решение не возбуждать судебное преследование против г-на С. явно произвольным или равносильным отказу в правосудии (пункт 12.5 Мнения).

Комитет принял к сведению содержание заявлений г-на С., касающихся турецкого населения Берлина, и отметил, в частности, что он заявлял – значительная часть турецкого населения не выполняет никакой продуктивной функции, за исключением торговли фруктами и овощами, что они не могут и не желают интегрироваться в немецкое общество и поощряют коллективную ментальность, которая является агрессивной и унаследованной

от предков. Для характеристики турецкого населения и других групп иммигрантов г-н С. использовал такие понятия, как продуктивность, интеллект и интеграция. В то время как он использовал эти свойства в позитивной манере в отношении некоторых групп иммигрантов, например восточноевропейских евреев, однако, применительно к турецкому населению он использовал их в негативном смысле. Он заявлял, что турки захватывают Германию точно также, как косовары захватили Косово: за счет повышенной рождаемости, что он не возражал бы, если бы это были восточноевропейские евреи, у которых коэффициент интеллектуальности примерно на 15% выше, чем у немцев. Г-н С. заявил, что он не обязан принимать никого, кто живет за счет государства и отвергает это же государство, кто не прилагает никаких усилий для того, чтобы дать своим детям приемлемое образование, и кто лишь производит на свет девочек с платком на голове, и утверждал, что его соображения справедливы в отношении 70% турецкого населения, проживающего в Берлине. Кроме того, г-н С. также создал эпитет для выражения своих идей о неполноценности турецкого населения и говорил, что среди других групп населения, включая немцев, «можно видеть «турецкую» проблему». Он также заявил, что запретил бы в целом приток мигрантов, за исключением высококвалифицированных лиц, и перестал бы оказывать иммигрантам социальную помощь. Комитет счел: вышеупомянутые заявления содержали идеи расового превосходства, исключают уважение человеческой личности и отражающие обобщенные негативные характеристики турецкого населения по смыслу статьи 4 Конвенции, а также представляли собой подстрекательство к расовой дискриминации с целью лишения этого населения доступа к социальной помощи и преследовали цель введения общего запрета на приток иммигрантов, за исключением высококвалифицированных лиц (пункт 12.6 Мнения).

Охарактеризовав заявления г-на С. в качестве запрещенных высказываний по смыслу пункта 4 Конвенции, Комитет должен был рассмотреть вопрос о том, является ли правильное мнение государства-участника о том, что эти заявления защищаются положением о «надлежащем учёте», касающемся свободы выражения мнения (пункт 12.7 Мнения).

Признавая важность свободы выражения мнения, Комитет счел, что заявления г-на С. были равносильны распространению идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, и содержали элементы подстрекательства к расовой дискриминации по смыслу пункта «а» статьи 4 Конвенции. Концентрируясь на том факте, что заявления г-на С. не являлись равносильными подстрекательству к расовой ненависти и не могли нарушить общественный порядок, государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению эффективного расследования вопроса о том, были ли заявления г-на С. равносильны распространению идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти. Комитет обратил внимание на то, что критерий нарушения общественного порядка, который принимается во

внимание при оценке того, достигают ли заявления порога распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, неадекватно отражает в национальном законодательстве обязательство государства-участника, закреплённое в статье 2 Конвенции, в частности потому, что ни статья 2, ни статья 4 Конвенции такого критерия не содержат (пункт 12.8 Мнения).

Выводы Комитета: отсутствие эффективного расследования заявлений г-на С. государством-участником свидетельствовало о нарушении статей 2, 4 и 6 Конвенции (пункт 12.9 Мнения).

Дело *«Махали Давас и Юсеф Шава против Дании»*. Мнение Комитета от 6 марта 2012 года. Сообщения № 46/2009³⁰. Комитет счел: учитывая установленные обстоятельства происшествия, а именно: заявители подверглись в своем собственном доме насильственному нападению со стороны 35 правонарушителей, некоторые из которых были вооружены, имелось достаточно доказательств, требующих тщательного расследования по инициативе органов государственной власти факта нападения на эту семью, обусловленного возможным расистским характером. Вместо этого такая возможность была отклонена в процессе уголовного расследования, в результате чего данный вопрос в ходе уголовного судебного разбирательства даже не рассматривался. Представленные факты свидетельствовали о нарушении пункта 1 статьи 2 и статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Правовые позиции Комитета: при наличии угроз насилия и особенно тогда, когда они высказываются публично и группой, на государство-участника возлагается ответственность провести расследование с должной тщательностью и оперативностью (пункт 7.4 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: предстояло рассмотреть вопрос о том, выполнило ли государство-участник свое позитивное обязательство обеспечить надлежащее расследование и преследование в судебном порядке по факту нападения на заявителей 21 июня 2004 года с учетом своих обязательств в соответствии со статьей 2 Конвенции принять эффективные меры в связи с сообщениями о случаях расовой дискриминации. В отношении данного дела Комитет отметил, что после расследования этого правонарушения полицией прокуратура ходатайствовала о проведении уголовного разбирательства против четырех подозреваемых на основе заявлений обвиняемых о признании своей вины и постановила переквалифицировать обвинения с нарушения статьи 245 (1) Уголовного кодекса Дании, которая предусматривает уголовную ответственность за конкретные деяния, имеющие особо отвратительный, жестокий или опасный характер и

---

³⁰ Как усматривалось из текста Мнения, заявители утверждали, что в нарушение Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации государство-участник не провело расследование расистского характера совершенного на них нападения и не предложило им эффективную правовую защиту в связи с допущенными правонарушениями, лишило их права на компенсацию за понесенные страдания и унижения.

влекущие максимальное наказание в виде шести лет тюремного заключения, на нарушение статьи 244 Уголовного кодекса, где предусматривается уголовная ответственность за нетяжкие насильственные деяния и более мягкое наказание – до трех лет тюремного заключения. В конечном итоге обвиняемые были приговорены к 50 дням тюремного заключения (условно). Комитет установил, что в ходе уголовного расследования возможный расистский характер преступления был изъят из состава преступления и в ходе судебного разбирательства не рассматривался. Комитет далее отметил: 11 сентября 2007 года Окружной суд Н. отклонил иск заявителей в отношении морального ущерба на том основании, что им не удалось в достаточной степени обосновать расистскую мотивировку этого нападения или то, что оно иным образом было конкретно обусловлено расой, национальностью или этническим происхождением заявителей (пункт 7.2 Мнения).

Комитет указал на бесспорность факта нападения 35 правонарушителей на дом заявителей 21 июня 2004 года и неоднократность случаев оскорблений расистского характера в адрес заявителей как в ходе нападения, так и до него. Не оспаривалось также и то, что полиция сообщила об этом инциденте в Службу безопасности и разведки Дании в соответствии с Меморандумом об уведомлении о совершении уголовных действий, имеющих потенциально расовую или религиозную мотивировку. Комитет отметил, что государство-участник не смогло представить какую-либо информацию о последствиях такого уведомления, в частности, о проведении какого-либо расследования в целях определения того, можно ли это нападение квалифицировать как подстрекательство к расовой дискриминации или ее акт (пункт 7.3 Мнения).

Комитет счел, что при таких серьезных обстоятельствах, как те, которые имели место в этом деле, когда заявители подверглись в своем собственном доме насильственному нападению со стороны 35 правонарушителей, некоторые из которых были вооружены, имелось достаточно фактов, требующих тщательного расследования по инициативе органов государственной власти в связи с возможным расистским характером нападения на эту семью. Вместо этого такая возможность была отклонена на уровне уголовного расследования, в результате чего данный вопрос в ходе уголовного судебного разбирательства даже не рассматривался. Комитет подчеркнул: государство-участник обязано возбудить эффективное уголовное расследование вместо того, чтобы возлагать на заявителей бремя доказывания в ходе гражданского судопроизводства. Это обязательство провести расследование с должной тщательностью и оперативностью при наличии угроз насилия и особенно тогда, когда они высказываются публично и группой, *a fortiori*³¹ действует в

---

³¹ Тем более (*лат.*).

обстоятельствах данного дела, когда в нападении на семью фактически участвовали 35 человек (пункт 7.4 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении пункта 1 статьи 2 и статьи 6 Конвенции.

вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока содержания под стражей

Дело «*М.М. против Российской Федерации*». Решение (о неприемлемости сообщения) Комитета от 7 августа 2015 года. Сообщение № 55/2014³². Комитет счел: автор сообщения не предоставил достаточных подтверждений того, что он стал жертвой расовой дискриминации в результате избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, а впоследствии – продления срока содержания под стражей. Полагая, что автор сообщения не смог в достаточной степени обосновать свои утверждения, Комитет пришел к заключению – сообщение не соответствовало положениям Конвенции и было признано неприемлемым.

Правовые позиции Комитета: для того, чтобы считать утверждения автора сообщения приемлемыми, Комитет должен определить, приводит ли автор сообщения факты, которые имеют характер дискриминации по признаку расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения (пункт 6.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по мнению автора сообщения, акты дискриминации в отношении него проявлялись в продлении сроков предварительного следствия. Комитет отметил, что государство-участник в ответ на это утверждало, что продление сроков предварительного следствия было вызвано необходимостью, продиктованной сложностью дела, потребовавшей, в частности, значительного объема следственных действий с участием иностранных граждан, письменного и устного перевода, и что никаких нареканий на работу устного переводчика и на качество устного перевода в течение всего процесса не поступало. Автор сообщения не оспаривал эти утверждения, которые, по мнению Комитета, равноценны разумному объяснению причин продления сроков предварительного следствия и которые, таким образом, опровергают утверждение автора о преднамеренной дискриминации. Кроме того, автор сообщения не объяснил, каким образом якобы имевшая место дискриминация на том основании, что он не говорит на языке государства пребывания, представляла собой расовую дискриминацию, как она определена в пункте 1 статьи 1 Конвенции (пункт 6.3 Решения).

Комитет счел, что автор сообщения не предоставил достаточных подтверждений того, что он стал жертвой расовой дискриминации. Полагая,

---

³² Как усматривалось из текста Решения, автор сообщения, гражданин Сомали, утверждал, что сроки следствия и сроки его содержания под стражей до суда неоднократно продлевались на дискриминационных основаниях, связанных с его неспособностью читать и говорить на русском языке, что являлось нарушением его прав согласно пункту 1 статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

что автор сообщения не смог в достаточной степени обосновать свои утверждения, Комитет пришел к заключению: данное сообщение не соответствовало положениям Конвенции (пункт 6.4 Решения).

Выводы Комитета: сообщение признано неприемлемым.

Переведенные на русский язык тексты Общих рекомендаций и Мнений (Решения) Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

Режим доступа:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.